

**Из истории советского академического
издания полного собрания
сочинений Пушкина
1937-1949 гг.
(Материалы и комментарии)**

*Л. Л. Домгерр**

ВВЕДЕНИЕ

В числе «мероприятий», намеченных в СССР для ознаменования памяти Пушкина в сотую годовщину его гибели,¹ одно из первых мест было отведено выпуску нового академического издания полного собрания его сочинений. Издание, в котором принимали руководящее участие все виднейшие пушкинисты, было задумано по чрезвычайно широкому плану. Не говоря уже

* Леонид Леопольдович Домгерр (1894-1984), многие годы работавший как переводчик и редактор, был в течение шести лет (1935-1941) одним из сотрудников редакции юбилейного Академического издания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина. Монография, основанная на печатаемом здесь материале, появилась в Америке в роталитном издании в начале 1950-х годов. Для полной картины тех обстоятельств в Советском Союзе, при которых проходила работа над Полным академическим изданием Пушкина, отсылаем читателя к статье того же Л. Л. Домгерра «Советское академическое издание Пушкина», недавно опубликованной в *Новом журнале*, № 167 (1987), сс. 228-252. *Ред.*

¹ Это выражение («гибель Пушкина»), между прочим, принадлежит Л. Б. Каменеву: в бытность его директором издательства «Academia» оно печаталось на всех книгах, выпускаемых издательством «к столетию гибели Пушкина».

обо всех произведениях Пушкина, вплоть до едва намеченных набросков и планов, и обо всех вариантах и черновых редакциях, издаваемых по новому методу и воспроизводящих процесс создания произведения в творческой последовательности возникновения отдельных вариантов, — оно должно было обнять решительно все, написанное Пушкиным, включая все записи его рукою, все его пометы и отчеркивания на книгах, все многочисленные рисунки на его рукописях. Конечно, издание мыслилось с обстоятельным комментарием, дающим полное представление о творческой истории и историко-литературном и культурно-бытовом фоне каждого создания Пушкина. Словом, оно должно было во всех отношениях затмить незаконченное и, действительно, неудачное издание Императорской Академии Наук.

Но, увы, много времени было упущено. Хотя дату столетия со дня смерти Пушкина было довольно легко вычислить заранее, «партия и правительство» раскачались с большим опозданием (несмотря на то, что «каста пушкинистов» давно была тревогу и твердила о необходимости заблаговременно приступить к академическому изданию). Но зато, когда раскачались, поднялась обычная суета. Академическое издание было «включено в систему мероприятий юбилейных торжеств», на него было обращено сугубое внимание, и посыпались сроки и предписания. Правда, от первоначального немислимого требования — выпустить все 18 или 20 томов за два года — хватило благоразумия отказаться, но упорно настаивали на выходе к юбилею по меньшей мере 6 или 8 томов, — солидных томов, требующих разбора и воспроизведения огромного количества черновиков и подлинно исследовательской работы для комментирования. В результате, несмотря на все понукания, к концу 1935 года вышел один VII том, содержащий драматические произведения Пушкина. Как образец академического издания, созданный виднейшими специалистами, том оказался действительно на большой высоте — и в смысле точности текста, и со стороны исчерпания всех рукописей поэта, и с точки зрения комментария, в который была вложена большая и серьезная исследовательская работа. Комментарий и прочий «аппарат» (указатели и т.п.) занял 360 стр. — на столько же страниц пушкинского текста. Если учесть, что «аппарат» был напечатан скромным и сжатым петитом, то пропорция «пушкинского» и «непушкинского» в томе оказалась еще гораздо менее выгодной для первого. И в этом-то «таилась погибель» издания...

Том поехал в Москву на благовоззрение наивысшего начальства. Повез его фактический главный редактор издания — и вернулся мрачнее тучи. Конечно, «на самом верху» он не был, а имел

дело, кажется, с Межлауком, который и сообщил ему решение громовержца с Олимпа. Том не понравился. Во-первых, что это за формат?! Вот с такими книжонками мы выступим перед всем миром к юбилею Пушкина?! И что это за бумага?! Ссылка на то, что в качестве образца «внешнего оформления» взято издание сочинений Ленина, не помогла. Нет, издание должно быть действительно юбилейным, пышным. Взять наилучшую бумагу, изготовляемую единственной на весь СССР фабрикой, увеличить формат! Но как, когда несколько томов уже частично сверстаны, а время неудержимо несетя к юбилейной дате? (Дело происходило во 2-й половине 1936 г.) Очень просто, увеличить поля!

А главное — что это за растекание мыслию по древу в комментариях?! Кого мы, собственно, издаем — Пушкина или пушкинистов? И что, наконец, задерживает издание? Именно этот комментарий? Убрать его из издания вовсе — и издать в будущем в виде отдельных книг — «Материалов к академическому изданию» — а то и вовсе не издавать! Так было положено начало гонению на комментарии в Советском Союзе. Последовало негласное распоряжение: во всех и всяческих изданиях классиков комментарии впредь не должны были превышать 10%, максимум 15% (для привилегированных изданий) объема комментируемого писателя. Таким образом был урезан (фактически, можно сказать, зарезан) ряд прекрасных изданий поэтов и прозаиков, выходящих в серии «Библиотеки поэта», в издательстве «Academia» (вскоре, после расправы с Л. Б. Каменевым, закрытом) и др. Комментарии в начатом вскоре после Пушкина академическом издании Гоголя были сжаты до предписанного минимума, а Пушкин вообще лишен комментария, замененного краткими текстологическими справками, ибо обещанные «Материалы» так и не увидели света. Главным грехом комментария VII тома было, конечно, отсутствие «социальной проблематики» и «марксистко-ленинского подхода», на что было прямо указано впоследствии, когда над изданием разразилась новая гроза.

Времена были суровые — эпоха после убийства Кирова, чистки Ленинграда от «остатков бывших привилегированных классов» и все шире разворачивавшейся борьбы с «врагами народа», «свившими себе гнездо» и в академических учреждениях (Л. Б. Каменев, Н. И. Бухарин и многие другие). Накануне октябрьско-ноябрьских торжеств 1936 г. был арестован и сослан фактический главный редактор издания, редакция была переведена в Москву, и заведующим ею назначен Вл. Д. Бонч-Бруевич, в досталинскую эпоху управляющий делами Совнаркома, переключившийся (или переключенный) на литературные дела и соз-

давший (необходимо воздать ему должное) замечательный Литературный Музей в Москве. Работа закипела. Было предписано выпустить к юбилею 5 томов. Они были в наборе, но весьма далеки от завершения. Пушкинисты заработали не только за страх, но и за совесть. В последние дни перед сакраментальной датой многие почти не ложились спать — и к открытию Всесоюзной пушкинской выставки в Москве (все же с опозданием в несколько дней) были готовы... 4 тома: пятый, не взирая на все подстегивания, отстал и вышел лишь в конце 1937 года. Правда, даже с выпуском четырех томов была допущена некоторая «передержка»: в их числе оказался тот же VII том, спешно перепечатанный, без комментария, но с увеличенными полями, в 1000 экземпляров (он был допечатан до полного тиража лишь в 1949 г.). Но «в общем и целом» задание было выполнено — и четыре великолепных, действительно отлично изданных тома юбилейного академического Пушкина красовались на всесоюзной выставке.

Задания и сроки, предписания и увещания продолжали сыпаться. На заседаниях редакционного комитета происходили бурные сцены. Так, М. А. Цявловский, крупный ученый и честнейший человек, взбешенный однажды очередными, явно несуразными «сроками», подкрепленными ссылкой на распоряжение Совнаркома, заявил во всеулышание: «Если Совнарком даст мне приказ сунуть этот стул (а стул был увесистый, кажется, из Сената) в карман, я все равно никак не сумею его выполнить», за что был немедленно призван к порядку. Но — «ударная кампания» под лозунгом «все для пушкинского юбилея» явно кончилась. Если редакторы продолжали работать почти с прежним напряжением и сдавали в «производство» один том за другим, то издательство, занятое другими очередными кампаниями, очевидным образом охладело к Пушкину. Томы залеживались в издательском портфеле, и возникали разнообразные препятствия: то не было свинца, то не хватало рабочих рук, то отсутствовала бумага на фабрике — и пр., и т.п. Затем в академическом издательстве появился новый директор (с какой-то кинофабрики, которую он успел развалить), относившийся с нескрываемым недоверием к академическому Пушкину. Особенно подозрительной показалась этому киноспециалисту «возня» с пушкинскими черновыми автографами. «Значит, — резюмировал он на одном из заседаний, — вы печатаете то, что Пушкин отбросил, вы печатаете *пушкинский брак!*» К сожалению, фамилия автора этого бессмертного изречения ускользнула у меня из памяти, и я не могу сохранить ее для потомства. Его вскоре убрали.

Не будем излагать дальнейшей истории издания Пушкина Академией Наук СССР. Скажем только, что к началу войны с Германией вышло около половины всего издания — листы последнего печатавшегося тома (XIV) приходили из типографии уже под немецкими бомбами, а вышел он в свет после войны. С началом осады Ленинграда (издание печаталось в ленинградских типографиях) работа по выпуску академического Пушкина замерла и возобновилась лишь в 1946 или 1947 г. Опять было поставлено «ударное задание» — закончить печатание издания к 1949 г., к 150-летию со дня рождения Пушкина. Оно было, опять-таки с грехом пополам, выполнено: последние тома вышли уменьшенными тиражами и по урезанной программе. Том, содержащий всевозможные пушкинские записи и отметки на книгах, исчез из плана издания, хотя был совершенно готов к печати еще в 1939 г.: вероятно, он был признан пушкинским «браком», к тому же непонятным без выброшенного из издания комментария; о том со *всеми* рисунками Пушкина тоже ничего не слышно; том со сводными указателями тоже, повидимому, приказал долго жить. Но все же необходимо отметить огромную заслугу «старой гвардии» пушкинизма: благодаря ее самоотверженной работе впервые завершено действительно научно-критическое, подлинно академическое издание Пушкина, в котором прочитаны и доведены до читателя и исследователя все без исключения творческие рукописи поэта. Ни одно изыскание, касающееся биографии и творчества Пушкина, невозможно впредь без обращения к этому изданию. За его недостатки текстологи-редакторы ответственны лишь отчасти: не по их вине издание портила периодическая спешка, и не они лишили его широкого комментария.

*

* *

Излагая историю советского академического Пушкина, мы намеренно не останавливались на характеристике отдельных томов издания, чтобы не заставлять читателя кочевать по страницам исторического очерка в поисках за интересующим его томом, так как тома выходили не в порядке нумерации. Но без хотя бы краткого обзора содержания издания по томам, обойтись невозможно: без этого читателю будет неясно, что, собственно, представляет собой академическое издание и что оно дает читателю и исследователю. Полный ответ на этот вопрос потребовал бы многих страниц и углубления в подробности, интересные только

для специалиста. Мы постараемся сделать наше изложение как можно более сжатым и ограничимся лишь важнейшими особенностями и «новинками» каждого тома, по возможности избегая деталей. Относительно «новинок» подчеркнем сейчас же: центр тяжести издания лежит не в них, ибо все «новые приобретения пушкинского текста» публиковались и в досоветское, и в советское время, как правило, немедленно по обнаружении и затем лишь «кодифицировались» в полных собраниях сочинений. Так увидел свет, в советское время, целый ряд произведений и писем Пушкина, от лицейских поэм «Монах» и «Тень Фонвизина», двадцати семи писем к Е. И. Хитрово, стихотворения «Царское Село» («Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений») и др. — до фрагментов в несколько строк и отдельных отрывочных записей.² Хотя, как будет ясно из дальнейшего, академическому изданию удалось и в отношении пушкинских текстов дать немало нового (см., в особенности, том X), однако значение его заключается совсем в другом, а именно в систематическом прочтении *всех* пушкинских рукописей и извлечении из них *всех* вариантов и редакций, в установлении окончательного, «канонического» текста (поскольку вообще можно говорить об окончательности, дефинитивности текста), в составлении полного кодекса *всех* писаний Пушкина. Это общее замечание необходимо иметь в виду при просмотре дальнейшего обзора.

Приведем сперва титульный лист (вернее, так называемый «контр-титул») всего издания:

АКАДЕМИЯ НАУК СССР. ПУШКИН. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. Издательство Академии Наук СССР. 1937 (и т.д. — до 1949 г.).

На обороте титульного листа указывался состав Редакционного комитета, а также редакторов данного тома. После «выбытия» Н. П. Горбунова, Н. Г. Свирина и П. И. Чагина состав комитета не менялся до конца издания.

Далее будем приводить лишь заглавные листы отдельных томов:

² Отсылаем интересующихся к работе К. П. Богаевской «Пушкин в печати. 1837-1937», М. 1937, где перечислены важнейшие находки пушкинских текстов за столетие, и к обзору Л. Б. Модзалевского «Издания эпистолярных текстов» («Лит. Наследство», т. 16-18, М. 1934, стр. 1127-1136). Сводки позднейших публикаций отсутствуют.

ПУШКИН. Том первый. ЛИЦЕЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ. Издательство Академии Наук СССР. 1937. — Редакторы первого тома: М. А. Цявловский и Т. Г. Зенгер. Контрольный рецензент Б. В. Томашевский. 523 стр. Тираж 35.300.

В отличие от всех остальных томов издания, объединяющих произведения по жанровому признаку, первый том посвящен лицейскому творчеству Пушкина в целом, т.е., наряду с лирическими стихотворениями, в него включены и поэмы «Монах», «Бова» и «Тень Фонвизина». Сделано это было, по примеру всех прочих изданий, выходящих и до, и после революции, для того, чтобы дать цельную картину творчества ученических годов поэта. Для произведений лицейского периода был вообще, по обро-ненному как-то Б. Томашевским выражению, установлен «особый режим». По отношению ко всем остальным произведениям Пушкина была признана, в качестве незыблемого принципа «последняя воля» поэта, т.е. они печатались в последних авторских редакциях, независимо от времени внесения поправок, иногда относящихся к значительно более позднему периоду жизни поэта. К лицейским стихотворениям этот принцип был признан неприменимым по следующим основаниям. Лицейское творчество поэта представляет для нас особый интерес не по его абсолютной художественной ценности, а лишь с точки зрения постепенного роста гения поэта. Поэтому каждое «лицейское стихотворение» важно для нас именно в том виде, какое оно имело в лицейские, а не в позднейшие годы, когда Пушкин, вооруженный гораздо более совершенной поэтической техникой, исправлял произведения своей юности. Пушкин же многократно, не только в Лицее, но и по его окончании, между 1817 и 1826 гг., обращался к стихотворениям лицейского периода, внося в них исправления и иногда довольно значительные переделки. Взяв за основу *последние* редакции стихотворений, редактор искажил бы картину лицейского творчества поэта, внося в нее черты позднейшего, более законченного и зрелого искусства. По подсчету М. А. Цявловского, из 130 стихотворений лицейского периода, Пушкин внес более или менее существенные изменения в текст больше чем пятидесяти стихотворений, причем в 13-ти из них он не довел исправлений до конца, а из остальных напечатал в своих собраниях стихотворений 1825 и 1829 гг. и в других изданиях только 15 стихотворений лицейской поры — и напечатал их не в лицейских, а в позднейших редакциях. Что же касается до самого лицейского периода, то и здесь дело осложняется тем, что мы имеем как ранние редакции

1814-1815 гг., так и редакции 1817 г., т.е. последнего года пребывания Пушкина в Лицее. Поэтому, дабы не повторять ошибки Л. Н. Майкова, стремившегося учесть все поправки Пушкина независимо от хронологического момента, от времени их внесения, и давшего зачастую контаминированные и произвольные тексты, необходимо было твердо решить, какой собственно текст лицейских стихотворений является наиболее характерным и интересным для современного читателя и исследователя пушкинского творчества. Вопрос этот был предметом детального обсуждения на конференции пушкинистов в мае 1933 г. и получил следующее решение: в качестве основного текста должен печататься текст *последних лицейских редакций*, дающих окончательную картину лицейского творчества и техники Пушкина. Все же после-лицейские поправки, равно как ранние лицейские, предшествовавшие 1817 году тексты, печатаются в разделе «Другие редакции и варианты». Стихотворения, переделанные Пушкиным по выходе из Лицея и напечатанные им в 1825-1829 гг., признано было необходимым печатать дважды: в корпусе первого тома — в последних лицейских редакциях — и вторично в виде особого раздела второго тома под следующим громоздким заглавием: «Лицейские стихотворения, переделанные в 1817-1822 гг. и напечатанные Пушкиным». Следует отметить, что к понятию «переделка» редактор подошел в значительной мере формально: наряду со стихотворениями, подвергшимися действительно основательной переработке (например, посланиями Шишкову и Каверину), дважды напечатано, например, и стихотворение «Певец» («Слыхали ль вы за рощей глас ночной»), все отличие второй редакции которого от первой сводится к изменению в *одном* стихе...

Выбором одной из лицейских редакций стихотворений не ограничивались текстологические трудности, связанные с лицейским творчеством Пушкина: немалые затруднения вызывались отсутствием авторитетного текста большинства — подавляющего большинства — лицейских стихотворений. Лишь совершенно незначительная часть их была напечатана при жизни Пушкина — и даже из напечатанных многие были опубликованы без его ведома и согласия, часто по весьма сомнительным копиям. Число сохранившихся автографов лицейского периода тоже ничтожно. Огромное же большинство лицейских стихотворений дошло до нас в виде «списков», т.е. копий в различных рукописных сборниках, дающих отличающиеся друг от друга тексты. М. А. Цявловский много лет занимался такими сборниками и изучил великое множество их. Путем тщательного анализа им было выделено

до тридцати наиболее авторитетных, современных лицейскому периоду или хронологически к нему близких сборников, и на основании столь же тщательного сличения списков был установлен текст каждого стихотворения, выбранный в качестве основного. Все разночтения, предположительно восходящие к утраченным автографам, даны в разделе «других редакций и вариантов». В этом же разделе приведены и все более ранние (1814-1816 гг.) и позднейшие исправления Пушкина (1818, 1819, 1825 и др. годов), причем по возможности указывается, к какому времени относятся соответствующие варианты («конец 1818 г.», «начало 1819 г.» и т.п.). Если исправления столь значительны, что дают другую, сильно отличающуюся от основной, редакцию стихотворения, — последняя приводится полностью, а не в виде отдельных вариантов; таких «других редакций» напечатано в I томе до двух десятков. Можно сказать, следовательно, что том лицейских стихотворений в новом академическом издании дает полностью весь хронологически расчлененный и расслоенный материал для изучения лицейского творчества Пушкина.³ Если даже не согласиться (что вполне возможно и допустимо) с принятым редакцией принципом подачи лицейских стихотворений, т.е. печатания в качестве основного текста редакций 1817 г., то, обратившись к разделу «Других редакций», читатель и исследователь всегда смогут реконструировать интересующий их текст каждого стихотворения (например, более ранний или позднейший). В этом основное значение тома лицейских стихотворений нового академического издания.

ПУШКИН. Том второй. (Полутом) 1. СТИХОТВОРЕНИЯ 1817-1826. ЛИЦЕЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ В ПОЗДНЕЙШИХ РЕДАКЦИЯХ. Издательство Академии Наук СССР. 1947. Редакторы второго тома: Д.Д. Благой, С.М. Бонди, Т.Г. Зенгер, Н. В. Измайлов, И. Н. Медведева, М. А. Цявловский. Общий редактор тома М. А. Цявловский. Контрольный рецензент Б. В. Томашевский. 606 стр. Тираж 10.000. — То же. (Полутом) 2. 1949. Редакторы те же. Общая редакция тома: М. А. Цявловский, Т. Г. Цявловская-Зенгер. Стр. 615-1259. Тираж 8.000.

³ Важную роль для установления хронологии разновременных исправлений, внесенных Пушкиным в текст лицейских стихотворений, сыграла, между прочим, находка так называемой «тетради Всеволожского», долгое время считавшейся безвозвратно утраченной. См. статью Б. В. Томашевского в «Лит. Наследство», 16-18, 1934, стр. 825-842, и его же публикацию всей «тетради» в «Летописях Гос. Литературного Музея», кн. 1, 1936, стр. 1-79 (с подробным комментарием).

ПУШКИН. Том третий. (Полутом) 1. СТИХОТВОРЕНИЯ 1826-1836. СКАЗКИ. Издательство Академии Наук СССР. 1948. Редакторы третьего тома: С. М. Бонди, Т. Г. Зенгер, Н. В. Измайлов, А. Л. Слонимский и М. А. Цявловский. Общий редактор тома М. А. Цявловский. Контрольный рецензент С. М. Бонди. 635 стр. Тираж 10.000. — То же (Полутом) 2. Редакторы те же. Общая редакция тома: М. А. Цявловский, Т. Г. Цявловская-Зенгер. 1949. Стр. 641-1378. Тираж 7.000.

Второй и третий тома издания, обнимающие зрелую лирику Пушкина и его сказки, заключают в своих четырех полутомах свыше 2600 страниц, из которых основной текст и варианты занимают около 2100 стр., а свыше 500 стр. падают на примечания, указатели и прочий «аппарат». Основной текст и «Другие редакции и варианты» по числу страниц почти одинаковы (по тысяче с лишним), но если принять во внимание гораздо более экономный и сжатый способ печатания последних, то окажется, что по объему раздел вариантов значительно превосходит основной текст. В томах лирики (как и в следующих томах поэм) наибольший интерес представляет именно этот отдел, хотя с точки зрения широкого читателя в нем, конечно, немало лишнего балласта...

Что же касается «новинок», то в этом отношении рассматриваемые тома не могут похвалиться ничем особенно значительным. Удивляться этому не приходится: наибольший интерес, естественно, всегда привлекала к себе стихотворная часть наследия Пушкина, и каждая находка опубликовывалась немедленно (как уже было отмечено выше). Не считая нескольких «опусов» в две-три строки, печатаемых впервые, и нескольких эпиграмм, опубликованных ранее и впервые введенных в состав собрания сочинений,⁴ советский читатель встретит во II томе лишь одно новое для него произведение: сказку «Царь Никита и сорок его дочерей» (помещенную, почему-то, среди стихотворений, а не в отделе сказок). Эта нескромная сказка не сохранилась в автографе: в черновой тетради Пушкина уцелели лишь первые 26 стихов,

⁴ Таковы четверостишия «На трагедию гр. Хвостова, изданную с портретом Колосовой» и «Твои догадки сущий вздор», шестистишие «На Ланова» и напечатанные в отделе «Дубиа» (т.е. стихотворений, приписываемых Пушкину без полной уверенности) эпиграммы «На женитьбу ген. Сипягина» («Убор супружеский пристал»), «На Аракчеева» («В столице он капрал»), «На К. Дембровского» («Когда смотрю я в зеркала»), «Мы добрых граждан позабавим» (за принадлежность Пушкину этого давно известного подражания Дидро высказался М. Цявловский. См. «Красная Новь», 1937, кн. 1, стр. 181).

которые издавна и печатались в собраниях сочинений поэта, листы же с окончанием сказки были из тетради вырваны. Но текст всей сказки дошел до нас в современных Пушкину списках, в том числе в записи со слов брата поэта Льва Сергеевича, славившегося своей памятью. За границей сказка печаталась неоднократно. В России же ее только один раз напечатал П. А. Ефремов в виде изданного в крайне ограниченном числе экземпляров приложения к одному из своих изданий Пушкина. М. А. Цявловский решил последовать его примеру, но включил сказку в основной текст, так как, изучив списки, пришел к заключению, что подлинный пушкинский текст сказки может быть восстановлен по ним с вполне достаточной достоверностью, не уступающей достоверности текста многих произведений, печатаемых по аналогичным источникам. Надо надеяться, что по примеру академического издания «Царь Никита», как несомненно пушкинская сказка, будет отныне, несмотря на всю свою нескромность, печататься в полных собраниях сочинений поэта.

Здесь уместно остановиться на интереснейшем источнике пушкинских текстов, обязанном своим происхождением цензуре: на рукописных копиях, во множестве обращавшихся в русском обществе. Эти копии привлекли к себе внимание М. Цявловского, впервые оценившего всю их важность (и даже, можно сказать, их переоценившего). Покойный ученый положил немало труда на их изучение и во многом был пионером в данной области. Достаточно указать на то, что для II и III томов им было исследовано до 150 сборников, из которых в 90 сборниках оказались списки, восходящие к утраченным автографам Пушкина, к записям с его слов или к выправленным им копиям. Все эти списки М. Цявловский привлек для установления дефинитивного текста стихотворений и для извлечения вариантов (причем в отделе вариантов им приводятся только разночтения списков, восходящие к автографам поэта). Так, например, для оды «Вольность» М. Цявловским использовано 65 списков, для послания к Чаадаеву «Любви, надежды, тихой славы»⁵ — до 60 копий, — и т.д. Следует подчеркнуть,

⁵ Случай со стихотворением «Любви, надежды, тихой славы» весьма любопытен с «политической» точки зрения. Найдя во II томе, в разделе «Др. редакций» и в примечаниях, разночтения всех копий этого послания, читатель, вероятно, удивится: почему именно этому стихотворению оказано такое внимание? Разгадка заключается в следующем: Б. В. Томашевский, напечатавший в своем однотомнике (1935 г.) послание в такой редакции, подвергся ожесточенным нападкам за «снижение политической значимости» стихотворения. «Снижение», в частности, было усмотрено в замене более распространенного текста стиха

что даже при наличии автографов текст иногда приходится устанавливать на основании копий. Простейший пример — эпиграмма на Воронцова («Полу-милорд, полу-купец»), сообщенная Пушкиным в письме к Вяземскому несомненно в более ранней и менее совершенной редакции: эта эпиграмма, после ряда колебаний редакторов, печатается ныне по тексту списков, а пушкинский автограф воспроизводится в отделе «Других редакций».⁶ Аналогичный случай имеем со второй, непечатанной при жизни Пушкина частью стихотворения «Деревня»: найденный лет двадцать пять назад автограф дает ранний текст стихотворения.

Но если тома лирики не богаты новинками в тесном смысле, то текст стихотворений, подвергнутый тщательной проверке по всем источникам, во многих случаях является обновленным и уточненным. За недостатком места мы не можем приводить иллюстраций этого положения. Ограничимся двумя наиболее яркими примерами того, как изучение автографов привело к новой компоновке и новому осмыслению давно известных стихотворений, — настолько новому, что можно говорить о «вновь найденных» произведениях. В собраниях сочинений Пушкина с 1855 и 1880 гг. печатались два незаконченных наброска. Первый из них в последних изданиях читался так:

Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел
Дары природы благосклонной.
Я знал досуг, беспечных муз удел,
И наслажденье лени сонной.

«Заря пленительного счастья» текстом «Звезда пленительного счастья». При подготовке 2-го издания однотомника на редактора усиленно нажимали, добиваясь изменения текста в желательном направлении, но он остался тверд и, рискуя многим (в СССР даже текстологическая работа может навлечь на человека крупные неприятности!), настоял на своем: стихотворение «Чаадаеву» продолжает печататься в СССР в редакции, признанной текстологами более подлинной (автографа его не сохранилось). Потому-то редактор академического издания признал необходимым возможно полнее обосновать свой выбор текста и привести всю текстологическую «кухню». Интересно отметить, что пишущему эти строки довелось слышать нападки зарубежных пушкинистов на данную редакцию стихотворения («Звезда» вм. «Заря» и пр.), как на «большевистское искажение» текста Пушкина...

⁶ Ввиду краткости эпиграммы, можем привести оба текста:

Окончательная редакция (по спискам):

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

Текст автографа:

Полугерой, полуневежда,
К тому ж еще полуподлец!..
Но тут однакож есть надежда,
Что полный будет наконец.

Я дружбу знал — и жизни молодой
Ей отдал ветреные годы,
И верил ей за чашей круговой
В часы веселий и свободы.

Я знал любовь не мрачною [мечтой],
Не безнадежным заблуждением,
Я знал любовь прелестною мечтой,
Очарованьем, упоением.

Младых бесед оставя блеск и шум,
Я знал и труд, и вдохновение,
И сладостно мне было жарких дум
Уединенное волнение.

И свет, и жизнь, и дружбу, и любовь,
В их наготе я ныне вижу.
Но все прошло! — остыла в сердце кровь,
И мрачный опыт ненавижу.

Свою печать утратил резвый нрав,
Душа час от часу немеет,
В ней чувств уж нет. Так легкий лист дубрав
В ключах кавказских каменеет.

Второй отрывок, отделенный от первого обычно несколькими страницами, печатался в следующем виде:

Красы Лаис, заветные пиры,
И клики радости безумной,
И мирных муз минутные дары,
И лепетанье славы шумной . . .

* * *

Пленительный разоблачив кумир,
Я вижу призрак безобразный.
Но что ж теперь тревожит хладный мир
Души бесчувственной и хладной?

Любил я славу и любовь,
И многому я в жизни верил,
[Когда еще кипела в сердце кровь
И сам с собой я лицемерил.]

П. А. Ефремов (в издании 1905 г.) и вслед за ним В. Брюсов (1920) пытались механически соединить оба приведенных отрывка, все же остальные редакторы, до советских включительно, печатали их отдельно. Изучение автографов показало, что на самом деле оба отрывка представляют собой одно целое, и привело к установлению единого, правда недоработанного и незаконченного, но совершенно иначе звучащего и осмысляемого текста послания. Это послание, как доказал М. А. Цявловский, было обращено Пушкиным к его кишиневскому приятелю, «первому декабристу» *В. Ф. Раевскому*:⁷

Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел
 Дары природы благосклонной.
 Я знал досуг, беспечных муз удел,
 И наслажденья лени сонной,

Красы Лаис, заветные пиры,
 И клики радости безумной,
 И мирных муз минутные дары,
 И лепетанье славы шумной.

Я дружбу знал — и жизни молодой
 Ей отдал ветреные годы,
 И верил ей за чашей круговой
 В часы веселий и свободы.

Я знал любовь, не мрачною тоской,
 Не безнадежным заблужденье,
 Я знал любовь прелестною мечтой,
 Очарованьем, упоенье.

Младых бесед оставя блеск и шум,
 Я знал и труд и вдохновенье,
 И сладостно мне было жарких дум
 Уединенное волненье.

⁷ См. М. Цявловский. Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому. («Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 6, 1941, стр. 41-50) и И. Н. Медведева. Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон» (там же, стр. 51-71).

Но все прошло! — остыла в сердце кровь,
В их нагоде я ныне вижу
И свет, и жизнь, и дружбу, и любовь,
И мрачный опыт ненавижу.

Свою печать утратил резвый нрав,
Душа час от часу немеет.
В ней чувств уж нет. Так легкий лист дубрав
В ключах кавказских каменеет.

Разоблачив пленительный кумир,
Я вижу призрак безобразный.
Но что ж теперь тревожит хладный мир
Души бесчувственной и праздной?

Ужели он казался прежде мне
Столь величавым и прекрасным,
Ужели в сей позорной глубине
Я наслаждался сердцем ясным?

Что ж видел в нем безумец молодой,
Чего искал, к чему стремился,
Кого ж, кого возвышенной душой
Боготворить не постыдился!

Я говорил пред хладною толпой
Языком истины свободной,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смешон глас сердца благородный.

* * *

Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей и малодушный,
Тиран льстец
Иль предрассудков раб послушный.

Приводим второй пример такого же «нового» стихотворения. Его автограф был известен давно, но не привлекал к себе особого внимания редакторов, считавших его несвязными набросками к «Демону» и к стихотворению «Свободы сеятель пустынный». Однако, более внимательное изучение показало, что стихотворе-

ние является почти законченным самостоятельным замыслом и было доведено Пушкиным почти до окончательной отделки:

[Мое] беспечное незнание
Лукавый [?] демон возмутил,
И он мое существование
С своим навек соединил.
Я стал взирать [его глазами]
Мне жизни дался бедный клад,
С его неясными словами
Моя душа звучала в лад.
Взглянул на мир я взором [ясным]
И изумился в тишине:
Ужели он казался мне
Столь величавым и прекрасным?
Чего, мечтатель молодой,
Ты в нем искал, к чему стремился,
Кого восторженной душой
Боготворить не устыдился?
[И взор я бросил] на людей,
Увидел их надменных, низких
[Жестоких] ветреных судей,
Глупцов, всегда злодейству близких.
Пред боязливой их толпой,
[Жестокой], суетной, холодной,
[Смешон глас] правды благородный,
Напрасен опыт вековой.
Вы правы, мудрые народы,
К чему свободы вольный клич!
Стадам не нужен дар свободы,
[Их должно резать или стричь],
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками [да бич].

Отказавшись от дальнейшей работы над стихотворением, Пушкин впоследствии использовал ряд строк из него для других произведений («Демон», «Свободы сеятель . . .», «Разговор книгопродавца с поэтом») — прием, к которому он очень часто прибегал в своем «поэтическом хозяйстве».

Раздел «Другие редакции и варианты» является наиболее ценной и наиболее «новой» частью томов стихотворений: если беловые варианты были, в общем, опубликованы в разных изданиях достаточно полно, то черновые варианты впервые увидели

свет в удобочитаемом виде на страницах академического издания. Об их объеме дадут понятие некоторые цифры: варианты к «Чаадаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет») занимают 8 страниц, к «Наполеону» — 13 стр., к посланию «К вельможе» — 21 стр., к «Осени» («Октябрь уж наступил») — 20 стр., к «Страннику» — 16 стр. — и т.д., и т.п. Эти варианты еще ждут своего исследователя — и популяризатора, ибо подавляют рядового читателя своим обилием. Надо надеяться, что такие посредники между Пушкиным и «толпой» найдутся и, пользуясь материалами академического издания, расскажут читателю «творческую историю» многих созданий поэта.

«Сводка» последней редакции черновика с подведением под строкой предшествующих вариантов является наиболее часто применяемым способом подачи вариантов в издании. Но наряду с ним применялся, когда рукопись давала к тому возможность, и другой способ показа работы Пушкина над произведением в виде последовательного ряда наслаивающихся и постепенно изменяющихся текстов без подстрочных сносок. Такой метод, очень часто использованный редакторами томов лирики, позволяет читать варианты, как обычный текст: читатель словно следует за рукой Пушкина, и произведение как бы создается у него на глазах. Покажем это на одном примере. Он позволит читателю познакомиться с довольно примечательным процессом создания некоторых строф стихотворений «К морю» и «Наполеон».

Знаменитое прощание Пушкина с морем («Прощай, свободная стихия») в первоначальной редакции сильно отличалось от всем известного текста: оно состояло всего из семи строф (вместо 15-ти) и заканчивалось так:

Ты ждал меня . . . Я был окован.
Вотще рвалась душа моя,
Могучей властью очарован
У берегов остался я.

Не удалось . . . Но не забуду
Твоей торжественной красы,
Но долго, долго помнить буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск и тень и говор волн.

Как видим, в первоначальной редакции совершенно отсутствовали строфы о Наполеоне и Байроне (кроме того, не было в ней и строф 3-й и 4-й, но мы ими заниматься не будем). Закончив и перебелив стихотворение, Пушкин спустя некоторое время возвращается к нему и начинает набрасывать следующие строфы, намереваясь поместить их после строфы «Ты (т.е. океан) ждал меня... Я был окован»:⁸

Что б дал ты мне — К чему бы ныне
Я бег беспечный устремил
Один предмет в твоей пустыне
Меня б внезапно поразил —
Одна скала — одна гробница —
*

Одна скала — гробница славы
Наполеона
*

Одна скала — гробница славы
Там вечный сон
Героя думы величавы
Там опочил Наполеон
*

Одна скала — гробница славы
Там долго сквозь тяжелый сон
Слабели думы величавы
Там угасал Наполеон
*

Одна скала — гробница славы
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы
Там опочил Наполеон
*

Великий Враг! из заточенья
Я мнил изгнанье посетить
Вздохнуть и слово примиренья
На камне грозном начертить
*

⁸ Даем не все варианты. Знаки препинания обычно отсутствуют в пушкинских черновиках и не восполняются, как правило, в акад. издании.

Священный остров заточенья
Напрасно мнил я посетить
Святое слово примиренья
За Русь на камне начертить.

*

Печальный остров заточенья
Без злобы путник посетит
Святое слово примиренья
За нас на камне начертит

*

Чудесный узник

*

Бессмертный узник

*

Он искупил меча стяжанья
И гром погибельных чудес
Тоской, томлением изгнанья
Под сенью душных тех небес

Там устремив на волны очи
Он думал о судьбе своей
О льдах железной Полуночи
О милой Франции своей

*

Там устремив на волны очи
Вспоминал он прежних дней
Пожар и Ужас Полуночи
Кровавый прах и стук мечей
Египта Сирии пустыни

*

Там иногда в пустыне
Забыв потомство, славный трон
Несчастный о плененном сыне
С улыбкой горькой мыслил он

*

Там иногда в своей пустыне
Забыв войну потомство трон
Один один о милом сыне
С улыбкой горькой думал он

И жертвой мучений
Угас — и в след ему

*

И жертвой Славы и мучений
Он опочил. И вслед за ним
Другой угас чудесный Гений
И мир

*

И опочил среди мучений
Наполеон. И в след исчез
Другой земле посланный Гений
Другой властитель наших слез

*

И опочил среди мучений
Наполеон Как бури шум
Исчез другой чудесный гений
Другой Властитель наших дум

*

Уж нет его — Ты опустело
твой был певец
Пред воскресающей Свободой
Он встретил гордо свой конец

*

Пред воскресающей Свободой
Нашел он гордо свой конец
Шуми волнуйся непогодой
твой певец

Мир опустел куда бы

*

Пред расцветающей Свободой
Он встретил гордо свой конец
Завой взволнуйся непогодой
Твой сын он был и твой певец

Мир опустел куда бы

*

Твой жребий был ему означен
И духом создан он твоим
Как ты глубок могущ и мрачен
Как ты никем неукротим

Мир опустел куда бы

При дальнейшей обработке этих вставных строф, Пушкин внес в элегию «К морю» только две строфы, относящиеся к

Наполеону, и три строфы о Байроне, все же остальные он включил в оду «Наполеон», написанную три года назад (в 1821 г.) на юге. Известная строфа «Мир опустел . . .», из которой Пушкин печатал (по цензурным ли только соображениям?) лишь эти два слова, заменив остальные три или четыре с половиной строки точками, была написана им позднее. Надеюсь, читатель не посетует за чрезмерно длинную выписку, дающую представление о генезисе окончательных редакций двух известнейших стихотворений Пушкина.⁹

Приведем еще первые наброски элегии «Брожу ли я вдоль улиц шумных» — и на этом расстанемся с томами лирики:

Куда б ни

*

Куда б меня мой

мысль о смерти

Повсюду

*

Куда б меня мой рок мятежный

Не мчал по земной

Но мысль о смерти неизбежной

Всегда близка, всегда со мной

*

Кружусь ли я с толпой мятежной

Вкушаю ль сладостный покой

Но мысль о смерти неизбежной

Везде близка, всегда со мной.

ПУШКИН. Том четвертый. ПОЭМЫ 1817-1824. Издательство Академии Наук СССР. 1937. Редакторы четвертого тома: С. М. Бонди, Г. О. Винокур, Н. К. Гудзий, Н. В. Измайлов, Б. В. Томашевский. Общий редактор тома С. М. Бонди. Контрольный рецензент Б. В. Томашевский. 481 стр. Тираж 32.000.

В том входят «Руслан и Людмила» и так называемые «южные поэмы» — от «Кавказского пленника» до «Цыган». Основной текст следует традиции, установившейся в советских изданиях и в общем соответствующей принятым в дореволюционном пушки-

⁹ В предварительной публикации Н. В. Измайлова («Пушкин. Временник Пушкинкой комиссии», 6, 1941, стр. 21-24) те же варианты напечатаны другим способом («сводка» с подстрочными сносками). Интересующиеся могут сравнить на этом примере оба метода подачи вариантов.

новедении принципам. Так, «Руслан и Людмила» напечатана целиком по второму изданию 1828 г., несколько переработанному Пушкиным под влиянием нападков критики на излишнюю откровенность некоторых эпизодов. Редактор поэмы (С. М. Бонди) намеревался было, как видно из его «Отчета о работе над IV томом» (Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 2, 1936, стр. 458-463), дать три места поэмы, смягченные Пушкиным явно в угоду «чопорной цензуре», по 1-му изданию (о «наряде» Людмилы во II песни, о двенадцати девах и о попытке Черномора овладеть Людмилой в IV песни), но не встретил сочувствия в редакционной коллегии, принявшей компромиссное решение: эти места были напечатаны, в редакции 1-го издания, в виде подстрочных сносок к тексту, т.е. в качестве предположительно отмененных по цензурным соображениям вариантов. В «Бахчисарайском фонтане» в текст введены 10 стихов об «утаенной любви», опущенных Пушкиным, ввиду их личного характера, во всех прижизненных изданиях. Стихи эти («Все думы сердца к ней летят» и т.д.), печатавшиеся всеми дореволюционными редакторами, были исключены в первых советских изданиях в пору увлечения выдвинутым М. Л. Гофманом в его «Первой главе науки о Пушкине» принципом точного соблюдения воли поэта. В «Цыганах» в эпилог поэмы введены восемь стихов (от «За их ленивыми толпами» до «И долго милой Мариулы/Я имя нежное твердил»), вписанных Пушкиным в экземпляр поэмы, принадлежавший кн. Вяземскому. Зато в «Братьях-разбойниках», по установившейся в советское время практике, оказались подвергнутыми остракизму и сосланными в варианты заключительные стихи отрывка («Умолк и буйной головою/Разбойник в горести поник» до «Она проснется в черный день»). Стихи эти, отсутствующие в дошедшей до нас рукописи, были напечатаны Жуковским в первой публикации поэмы в посмертном издании сочинений Пушкина. Советские текстологи заподозрили на этом основании в их авторстве Жуковского, хотя последний редактор поэмы (Б. С. Мейлах в «малом» 10-томном академическом издании 1949 г.) высказывает — правда, осторожное — предположение о том, что стихи напечатаны Жуковским «повидимому, по недошедшей до нас рукописи поэта». — Некоторым нововведением IV тома является помещение в нем отрывка из незаконченной поэмы «Вадим», обычно печатавшейся в томе стихотворений. Кстати сказать, в данном отношении текст тома в настоящее время уже оказывается устаревшим, так как после войны найден был полный текст первой песни поэмы (копия из архива

кн. М. А. Урусова), напечатанный в «малом» академическом издании (т. IV, стр. 157-162).

В разделе «Другие редакции, планы, варианты», занимающем около 260 страниц (на 200 стр. основного текста), читатель найдет ряд «новых» для него «кусков» пушкинского текста, впервые извлеченных из недоступных невооруженному глазу черновиков и неудобочитаемых транскрипций. Таково, например, отброшенное Пушкиным вступление в V песнь «Руслана и Людмилы»:

Как я люблю мою княжну,
Мою прекрасную Людмилу,
В печалях сердца тишину,
Невинной страсти огонь и силу,
Затеи, ветренность, покой,
Улыбку сквозь немые слезы...
И с этим юности златой
Все нежны прелести, все розы!..
Амур! найду ли наконец
Моей Людмилы образец! —
К тебе я сердцем улетаю.
Дозволь увидеть хоть одну
Людмилу, то есть не жену
[Жены я вовсе не желаю]
А вы, Людмилы наших дней,
Поверьте совести моей,
Душой открытой вам желаю
Такого точно жениха,
Какого здесь изображаю
По воле легкого стиха!

В черновых рукописях «Кавказского пленника» за четверостишием, вошедшим в окончательную редакцию (ч. II, стихи 60-63):

Несчастный друг, зачем же прежде
Явилась ты моим очам,
В те дни как верил я надежде
И упоительным мечтам!

следовало:

Но поздно, поздно! . . . неба ярость
Меня преследует, разит.

Души безвременная старость
Во цвете лет меня мертвит.
Вот скорбный след любви напрасной,
Душевной бури след ужасный.
Во цвете невозвратных дней,
Минутной бурною порою
Утраченной весны моей
Пленный жизнью молодою,
Не зная света ни людей,
Я верил счастью: в упоеньи
Летели дни мои чредой
И сердце полное мечтой
Дремало в милом заблуждении.
Я наслаждался — блеск и шум
Пленили мой беспечный ум,
Веселье чувство увлекало,
Но сердце втайне тосковало
И чуждое молодых пиров
К иному счастью призывало.
Услышал я неверный зов,
Я полюбил — и сны младые
Слетели с изумленных вежд.
С тех пор исчезли дни златые,
С тех пор не ведаю надежд! . . .
О милый друг — когда б ты знала,
Когда бы видела черты
Неотразимой красоты —
Когда б ты их воображала —
Но нет . . . словам не передать
Красу души ее небесной.
О если б мог я рассказать
Ее улыбку, глас чудесный.¹⁰
Ты плачешь? . . . Но зачем об ней
Тревожу я воспоминанья?
Увы, тоска без упованья
Осталась от любви моей.

*

Как часто в тишине ночной,
Когда я негой упоенный
Твое дыханье тихо пью,

¹⁰ В рассматриваемом томе стих читается: «Ее [неразб.] звук чудесный»; даем этот стих по «малому» акад. изданию 1949 г.

Из мрака лик ее выходит
И тайную тоску наводит
На душу мрачную мою.
Она мне враг — веселье, радость,
Восторги, сладкий дар небес —
Души пленительную младость —
Любви все в жертву я принес.

В этих исключенных поэтом и далеко не доведенных им до окончательной отделки стихах отразилась гораздо сильнее, нежели в дефинитивном тексте поэмы «утаенная любовь» пленника-Пушкина. Вероятно, это и послужило причиной их исключения.

Монолог Алеко над колыбелью сына, отброшенный Пушкиным и не вошедший в «Цыганы» окончательной редакции, известен давно и печатался во всех научных изданиях сочинений Пушкина, но здесь он дан впервые со всеми вариантами. Редактор поэмы (Г. О. Винокур) очень искусно разложил текст сложной рукописи на отдельные слои и привел, помимо последней редакции отрывка, его первоначальную и несколько промежуточных редакций.

К сожалению, «Гавриилиада» оказалась лишенной каких бы то ни было вариантов, если не считать восьми стихов, уцелевших в записи лицейского товарища Пушкина С. Д. Комовского. В данном случае редактор (Б. В. Томашевский) отнесся к своей задаче чересчур формально. На том основании, что текст поэмы, автограф которой, как известно, до сих пор не разыскан, восстанавливается по копиям и что, следовательно, варианты принадлежат не Пушкину, а переписчикам, редактор привел все разночтения списков не в разделе вариантов, а в комментариях, — и разночтения эти разделили участь комментариев, т.е. исчезли из издания. Не последовав примеру М. А. Цявловского, приводившего разночтения копий, предположительно восходящие к утраченным автографам, Б. Томашевский лишил читателя и исследователя всех вообще вариантов «Гавриилиады». Интересующимся придется попрежнему обращаться к его изданию 1922 г., для своего времени выдающемуся, но с тех пор значительно устаревшему и по объему привлеченного материала, и по приемам его обработки.¹¹

¹¹ «А. С. Пушкин. Гавриилиада. Поэма. Редакция, примечания и комментарий Б. Томашевского. Труды Пушкинского Дома. Изд. А. С. Кагана. Петербург, МСМХХII».

ПУШКИН. Том пятый. ПОЭМЫ 1825-1833. Издательство Академии Наук СССР. 1948. Редакторы пятого тома: С. М. Бонди, Н. В. Измайлов, Б. М. Эйхенбаум, Д. П. Якубович. Общий редактор тома С. М. Бонди. Контрольный рецензент Б. В. Томашевский. 543 стр. Тираж 10.000.

Наиболее важным в текстологическом отношении достижением V тома представляется окончательное установление текста «Медного всадника». Как известно, поэма не увидела света при жизни Пушкина, ибо представленная им на высочайшую цензуру рукопись была испещрена собственноручными пометками имп. Николая I, потребовавшего переделки многих мест поэмы. Пушкин пытался было внести в текст необходимые изменения, но отказался от своего намерения — и от печатания поэмы. Лишь после смерти Пушкина «Медный всадник» был напечатан с рядом переделок Жуковского, и вся дальнейшая история печатания «петербургской повести» является повестью о постепенном освобождении текста от вынужденных поправок самого Пушкина и редакционных изменений Жуковского, с лучшими намерениями обезобразившего «Медного всадника». Казалось бы, задача текстологов была довольно несложной, так как все беловые рукописи поэмы, и в том числе пострадавшая от высочайшей цензуры, до нас дошли полностью. Однако, на освобождение «Медного всадника» от «чуждых красок» ушло свыше 80-ти лет, и только в 1924 г. текст поэмы может считаться установленным более или менее окончательно. Причиной колебаний редакторов было следующее обстоятельство: Пушкин приступил к переделке «Медного всадника» не сразу, а около года спустя, и, начав работу, попутно стал вносить в текст и исправления художественного порядка, непродиктованные замечания Николая I.¹² Завершенность поправок Пушкина долгое время подвергалась редакторами сомнению; П. Е. Щеголев, например, совершенно отверг всю «после-цензурную» правку Пушкина, как незаконченную и незначительную, и печатал (в известном издании 1923 г. с рисунками Александра Бенуа и в позднейших изданиях) текст 1833 г. Сильнейшим аргументом Щеголева в защиту тезиса о незаконченности правки Пушкина было то место 1-й части поэмы, в котором излагаются мысли Евгения в ночь перед наводнением. В рукописи, цензурованной Николаем I, это место читается так:

¹² См. статью Т. Г. Зенгер «Николай I — редактор Пушкина» («Лит. Наследство», 16-18, 1934, стр. 521-524).

О чем же думал он? о том,

.....

(опускаем несколько стихов)

Что вряд еще через два года
Он чин получит; что река
Все прибывала, что погода
Не унималась; что едва ль
Мостов не сымут, что конечно
Параше будет очень жаль.
Тут он разнежился сердечно
И размечтался как поэт:

«Жениться? Что ж? Зачем же нет?
И в самом деле? Я устрою
Себе смиренный уголок
И в нем Парашу успокою.
Кровать, два стула, щей горшок
Да сам большой... Чего мне боле?
Не будем прихотей мы знать;
По воскресеньям летом в поле
С Парашей буду я гулять;
Местечко выпрошу; Параше
Препоручу хозяйство наше
И воспитание ребят...
И станем жить — и так до гроба
Рука с рукой пойдем мы оба,
И внуки нас похоронят...»

Так он мечтал. (И т.д.)

Перерабатывая это место, Пушкин внес несколько поправок в первые 16 стихов (от «О чем же думал он?» до «Параше будет очень жаль»), а следующие стихи (от «Тут он разнежился сердечно» до «И внуки нас похоронят») вычеркнул тонкой чертой, но ничем не заменил. Не изменил он и слов «Так он мечтал», которые, таким образом, как бы повисли в воздухе, ибо предшествовавшие мечты Евгения были вычеркнуты. Это Щеголев считал наиболее ясным доказательством незаконченности работы Пушкина над «Медным всадником». Комментаторы, правда, указывали на ошибочность доводов Щеголева, так как, мол, в пушкинском словоупотреблении «мечты» часто являются синонимом «дум, раздумий, мыслей», однако данное место поэмы все же

производило впечатление какой-то недоделанности. Тем не менее, за неимением лучшего решения, «Медный всадник» печатался почти во всех изданиях, начиная с ряда дореволюционных и не считая щеголевских, в таком виде, т. е. без мечтаний Евгения, но со словами «Так он мечтал». В такой же редакции должно было появиться это место и в академическом издании. Но перед самым печатанием V тома в Библиотеке им. Ленина (бывшем Румянцевском Музее) был найден автограф Пушкина, дающий несомненно окончательную редакцию спорного места.¹³ Оказывается, после стихов (приводим их в переделанном Пушкиным виде):

что едва ли

С Невы мостов уже не сняли
И что с Парашей будет он
Дни на два, на три разлучен.

должно следовать:

Евгений тут вздохнул сердечно
И размечтался как поэт:

Жениться? Ну . . . зачем же нет?
Оно и тяжело, конечно,
Но что ж, он молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов;
Он кое-как себе устроит
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокоит.
«Пройдет, быть может, год-другой —
Местечко получу — Параше
Препоручу хозяйство наше
И воспитание ребят . . .
И станем жить — и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба,
И внуки нас похоронят . . .»

¹³ Повидимому, текст «М. в.» был переделан, в соответствии с новонайденным автографом, в самый последний момент: о найденном листке сообщается в особом «Дополнении» к примечаниям, а в разделе вариантов остался невыправленным счет стихов 1-й части, вследствие чего все ссылки на основной текст оказались ошибочными: все цифры, начиная со стиха 47-го и до конца 1-й части надо увеличить на 16.

Итак, вопреки домыслам комментаторов, «мечты» в данном случае имели для Пушкина тот же смысл, что и в наше время, и упоминание о них было оставлено им неспроста в тексте поэмы.

Относительной новинкой V тома является публикация в основном тексте незаконченной поэмы «Езерский» (название дано редакцией). История текста этой поэмы, от завершения которой Пушкин отказался и напечатал из нее лишь 8 строф («Родословная моего героя»), чрезвычайно интересна и сложна. Она была впервые распутана и рассказана Н. В. Измайловым в статье «Из истории замысла и создания «Медного всадника» («Пушкин и его современники», вып. XXXVIII-XXXIX, 1930): до исследования Н. В. Измайловым ее взаимоотношение с «Медным всадником» оставалось неясным, и черновые тексты «Езерского» публиковались текстологами попеременно с «Медным всадником», для которого Пушкин использовал часть материалов «сатирической поэмы», начатой им онегинской строфой. В V томе академического издания «Езерский» впервые напечатан полностью в виде отдельного произведения, а в разделе «Другие редакции» даны все черновые тексты с разделением на три редакции, а также все белые редакции и варианты (в общем 33 страницы, на неполные 7 стр. основного текста). Сделано это Н. В. Измайловым с большой наглядностью, так что, даже несмотря на отсутствие комментария (который приходится искать в названной статье Измайлова, а также в комментарии С. М. Бонди «Езерский» и «Медный всадник» в фототипическом издании «Альбома 1833-1835 гг.», М. 1939, стр. 35-51), читателю становится ясна «творческая история» произведения.

Черновые и белые тексты «Медного всадника» занимают в V томе 64 стр., но особенно обширны «другие редакции и варианты» «Полтавы», дающие на 160 страницах все рукописи поэмы, расположенные редактором (Н. В. Измайловым) в порядке их написания. Композиция поэмы была в ходе работы сильно изменена Пушкиным. Так, открывалась она первоначально строками «Была та смутная пора» и т. д., вторая песнь начиналась описанием украинской ночи: «Тиха украинская ночь». Знаменитое «Посвящение» было создано Пушкиным, когда вся поэма была вчерне уже закончена. Позволяем себе привести избранные черновые варианты, характеризующие процесс создания «Посвящения»:

Где ты — тебе послушной лиры
Дойдут ли песни до тебя?

*

Поймешь ли глас душевной муки
Глас сердца, глас души моей

Поймешь ли
трепетные
звуки

*

Иль — посвящение поэта
Как некогда его любовь
Тобой непризнанное вновь
Ни вдоха встретит, ни привета

*

Иль посвящение поэта
Как утаенная любовь
Перед тобой как мимо света
Пройдет непризнанное вновь

*

Но если ты — во дни разлуки
В суровой в глуши
Поймешь задумчивые звуки
Тебе приверженной души

*

О думай, что во дни разлуки
В печальной, в радостной судьбе

*

О думай, что во дни разлуки
В моей изменчивой судьбе
Твои страдания
Твой образ вечно мой

*

Тебе . . . но лиры слабой звуки
Коснутся ль слуха твоего
Поймешь ли глас душевной муки
Желанья сердца моего?

*

Твои следы, твоя пустыня
Печали, слезы, образ твой
— моя святыня

*

Твоя далекая пустыня
Последний звук твоих речей
Твой ясный образ мне святыня
Благоговею перед ней.

*

Что ты одна моя святыня
 *
 Что ты единая святыня
 Что без тебя свет
 Сибири хладная пустыня
 *
 Что ты одна святыня
 Единый свет души моей
 *
 Одно сокровище, святыня
 Для сумрачной души моей

Любопытно отметить первоначальные варианты стихов о «птенцах гнезда Петрова»:

1-й вар.

За ним скакали вслед толпой
 Блистая шпагами, звездами,
 Его питомцы и сыны:
 Счастливый Меншиков, Волконский,
 И Шереметьев, и Репнин

2-й вар.

И Шереметьев благородный,
 И счастья баловень безродный,
 Полудержавный властелин,
 Волконский, Боур, Брюс, Репнин-
 Сии орлы гнезда Петрова

Кн. Гр. Сем. Волконский, предок мужа Марии Раевской, почти не участвовал в Полтавском сражении, и, намереваясь ввести его имя в поэму, Пушкин, по мнению Н. В. Измайлова,¹⁴ «руководствовался не столько историческими основаниями, сколько другими соображениями. . . . Быть может, он хотел через него [Волконского] связать свою поэму с именем той, кому она посвящалась. . . .»^{14а}

ПУШКИН. Том шестой. ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН. Издательство Академии Наук СССР. 1937. Редактор шестого тома Б. В. Томашевский. Контрольный рецензент Г. О. Винокур. 695 стр. Тираж 35.000.

¹⁴ См. статью Н. В. Измайлова «Об исторических источниках «Полтавы» («Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 4-5, 1939, стр. 435-452). В этой статье автор ссылается на работу П. Е. Щеголева об «утаенной любви Пушкина», в которой выдвигается гипотеза о том, что «утаенной любовью» поэта была Мария Раевская.

^{14а} При таком прочтении, по мнению Измайлова, гипотеза Щеголева «получила бы лишнее, хотя и очень предположительное, подтверждение».

Рукописи «Евгения Онегина» дошли до нас в довольно значительной полноте: в черновых рукописях сохранились главы I, II, III и IV (частично), V, VII, некоторые строфы VIII гл., а также «Путешествие Онегина»; из беловых рукописей утрачены лишь главы VI и VII (кроме «альбома Онегина»). Весь этот рукописный фонд воспроизведен в VI томе, занимая свыше 450 стр. (основной текст — 200 стр.): черновые рукописи — полностью, по принятой в издании системе, беловые — в виде отдельных вариантов; варианты прижизненных изданий сгруппированы отдельно. «Пропущенные строфы» не выделены из общей массы вариантов и приведены, смотря по месту нахождения, среди, соответственно, беловых или черновых рукописей, но отыскание их не представляет затруднений благодаря «Указателю строф текста и вариантов», где в соответствующем столбце сразу видно, какие строфы пропущены и в каком месте тома их можно найти. Известные фрагменты «насыщенной политическим содержанием» и сожженной Пушкиным X главы отсутствуют в основном тексте и помещены среди черновых рукописей: редактор не хотел портить отрывочными строками текста, воспроизводящего в точности пушкинскую композицию романа (с восстановлением, разумеется, измененных под влиянием цензурных соображений мест). Но, во избежание нареkania за желание «спрятать» в груде черновых текстов столь «политически значимые» высказывания поэта, в томе по меньшей мере в трех местах указано, где читатель может найти X главу.

В VI томе нет значительных кусков ранее неизвестного текста — пропущенные строфы публиковались неоднократно (см., в особенности, работу М. Л. Гофмана «Пропущенные строфы «Евгения Онегина» в издании «Пушкин и его современники», вып. XXXIII-XXXV, 1922), часто производились и «набеги» на черновые рукописи. Значение тома заключается в систематизации и подаче по новой системе всего рукописного материала.

Мы можем ограничиться приведением немногих черновых вариантов. Дмитрий Ларин, например, сперва характеризовался как «Невежда, толстый холостяк» (в окончательном тексте он стал «простой и добрый барин»). Стихи о супругах Лариных первоначально звучали так (гл. II, стр. XXXI а):

Они привыкли вместе кушать,
Соседей вместе навещать,
По праздникам обедню слушать,
Всю ночь храпеть, а днем зевать,

В ночное ездить по работам,
Браниться в бане по субботам.

В окончательном тексте краски значительно смягчены. — Пушкин вначале предполагал, повидимому, совсем иначе изобразить появление Татьяны в Москве (кстати сказать, он не сразу нашел имя для своей героини: в черновиках II главы читаем: «Ее сестра звалась . . . Наташа»):

Архивны юноши толпою
На Таню издали глядят,
О милой деве меж собою
Они с восторгом говорят.

Татьяна появляется в театре

Влачить уныние свое, —
И обратились на нее
И дам ревнивые лорнеты,
И трубки модных знатоков
Из лож и кресельных рядов.

В окончательной редакции, как известно, «*Не* обратились на нее *Ни* дам ревнивые лорнеты, *Ни* трубки модных знатоков», а «архивны юноши» говорят о ней «неблагосклонно». — Строки

Онегин был по мнению многих
Судей решительных и строгих
(В черновике без
скобок)

Ученый малый, но педант,

имели в первоначальном черновике другое продолжение:

В нем дамы видели талант —
И мог он с ними в самом деле
Вести ученый разговор
И даже мужественный спор
О Бейроне, о Манюэле¹⁵

¹⁵ а. О Мирабо, о Мармонтеле
б. О Беранже, о Манюэле
в. О гетерии, Манюэле

О Карбонарах, о Парни,¹⁶
Об генерале Жомини.

ПУШКИН. Том седьмой. ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. Издательство Академии Наук СССР. 1948. Редакторы седьмого тома: М. П. Алексеев, С. М. Бонди, Г. О. Винокур, А. Л. Слонимский, Б. В. Томашевский, Н. В. Яковлев, Д. П. Якубович. Общий редактор тома Д. П. Якубович. Контрольный рецензент С. М. Бонди. 395 стр. Тираж 8.000.

Том этот, выпущенный в 1937 г. в 1000 экз., был отпечатан в 1948 г. с нового, повидимому, набора. Это был первый вышедший том нового академического издания. В общем, том, вышедший в 1948 г., повторяет, с некоторыми поправками, текст 1937 г. Есть только одно исключение: в издании 1948 г. появились ранее почти совершенно отсутствовавшие варианты к «Пиру во время чумы». Произошло это благодаря тому, что в 1939 г. была найдена и приобретена Музеем А. С. Пушкина рукопись «Пира», считавшаяся безвозвратно исчезнувшей и известная только по факсимильному воспроизведению первой страницы в газете «Раннее утро» (в № от 21 янв. 1910 г.) — по этому факсимиле в первом издании VII тома и были напечатаны три варианта. Вновь обнаруженная рукопись «Пира» — беловая, но дает свыше 50 иногда довольно интересных вариантов, полностью приведенных в новом издании VII тома. Вся рукопись описана и опубликована Д. Д. Благим — в виде факсимильного воспроизведения в сборнике «Пушкин — родоначальник новой русской литературы», М.-Л., 1941, стр. 9-20. Благодаря данной рукописи, можно было исправить в трех местах и текст «Пира во время чумы», хотя эти исправления (из них одно, довольно сомнительное, в гимне в честь чумы: «И к нам в окошко днем и в ночь» вместо «день и ночь») почему-то не попали в текст VII тома — вероятно из-за обычной «штурмовщины» при выпуске тома — и внесены лишь в «малое» 10-томное академическое издание (см. т. V).

Из вариантов вновь найденной рукописи приведем первоначальную редакцию 4-й строфы гимна в честь чумы:

¹⁶ а. О магнетизме, о Парни
б. О Бенжамене, о Парни.

И все, что гибелью грозит,
Нам наслаждения таит,
Неизъясними наслажденья,
Бессмертья, может быть, залог,
И тот блажен, кто средь волненья
Их обрести мгновенно мог.

ПУШКИН. Том восьмой. (Полутом) 1. РОМАНЫ И ПОВЕСТИ. ПУТЕШЕСТВИЯ. Издательство Академии Наук СССР. 1938. Редакторы восьмого тома: С. М. Бонди, В. В. Виноградов, Л. Л. Домгер, Л. Б. Модзалевский, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, Д. П. Якубович. Общий редактор тома Б. В. Томашевский. Контрольный рецензент Б. М. Эйхенбаум. 494 стр. Тираж 5.000 — То же. (Полутом) 2. 1940. Стр. 497-1117. Тираж 27.000.¹⁷

В VIII томе собрана вся художественная проза Пушкина, к которой присоединены его путевые очерки «Путешествие в Арзрум» и «Отрывок из письма к Д.» [Дельвигу], обычно печатавшийся среди писем Пушкина. Название «Романы и повести» принадлежит самому Пушкину: оно взято из подготовленного им издания повестей — издания, по неизвестным нам причинам не вышедшего в свет и сохранившегося в единственном экземпляре в библиотеке Петербургского университета. — Нововведением тома является распределение произведений по отделам: это распределение нарушает обычный канон, по которому некоторые незаконченные вещи печатались среди законченных («Арап Петра Великого», «История села Горюхина», «Рославлев»), другие же («Роман в письмах», «Марья Шонинг» и пр.) — среди «отрывков». Редактор VIII тома решил объединить в первом — основном — разделе тома «как законченные произведения, так и те, в которых достаточно определен сюжет и характеристика персонажей». Под это довольно широкое определение подошел ряд далеко не законченных произведений — помимо «Романа в письмах» и «Марьи Шонинг», также «Гости съезжались на дачу», «На углу маленькой площади», «Цезарь путешествовал», причем послед-

¹⁷ На вышедших в конце 1938 г. экземплярах 1-го полутома обозначен тираж «27.000», хотя на самом деле было отпечатано лишь 5.000 экз. В 1948 г. том был выпущен дополнительным тиражом в 7.500 экз. — То же произошло и с томами IX (1-й полутом) и X: и на них указан не фактический, а «заданный» тираж в 27.000 экз.

ний отрывок получил новое редакторское заглавие: «Повесть из римской жизни». Такое расположение произведений не лишено значения: оно как бы повышает их вес в глазах читателя. В отделе «Отрывки и наброски» остались лишь совершенно фрагментарные вещи, а также «те художественные замыслы, которые, не являясь в буквальном смысле слова вариантами или ранними редакциями других повестей, в то же время использованы Пушкиным в позднейших произведениях». Так, основной эпизод «Записок молодого человека» вошел в состав «Станционного зрителя», отрывок «В начале 1812 года» — в состав «Мятели», и т.д.

В текст всех произведений, печатающихся по рукописям, удалось внести ряд исправлений и уточнений: сплошная проверка по рукописям обнаружила много ошибок и недосмотров прежних редакторов, в том числе и редакторов советского времени, т.е., во многих случаях, тех же редакторов академического издания... Ограничимся двумя яркими примерами исправления текста. — В «Романе в письмах», в начале 9-го письма, автографы которого несомненно сохранились не полностью, во всех новейших изданиях читатель мог прочесть следующее довольно темное место:

«Твои нравственные размышления насчет управления имений радуют меня за тебя. Назначение помещика, по-моему, самое завидное. То ли дело un homme sans peur (?) qui n'est ni [неразб.]»

В VIII томе это место напечатано так:

«Твои нравственные размышления насчет управления имений радуют меня за тебя. То ли дело

Un homme sans peur [et sans reproches]

Qui n'est ni [roi, ni duc ni] comte [aussi]

Состояние помещика, по-моему, самое завидное» (и т.д.).

Текст остается фрагментарным, но, благодаря раскрытию двух французских строк, в которых Пушкин соединил девиз рода Баярдов с частью девиза гордых сьеров Куси, становится осмысленным.

Показательнее второй пример из того же «Романа в письмах». В «до-академических» изданиях последнее из сохранившихся писем оканчивалось совершенно непонятным абзацем:

«Намедни сочинил я надпись к портрету княжны Ольги (за что Лиза очень мило бранила меня): *Глупа как [неразб.]*, *скучна как [неразб.]*. Не лучше ли *Скучна как* етс. То и другое похоже на

мысль. Попроси В. прислать первый стих и отныне считать меня поэтом».

В VIII томе «Роман в письмах» кончается следующими строками:

«Намедни сочинил я надпись к портрету княжны Ольги (за что Лиза очень мило бранила меня):

Глупа как истин[а], скучна как совер[шенство].

Не лучше ли:

Скучна [как истина, глупа как совершенство].

То и другое похоже на мысль. Попроси В. приискать первый стих и отныне считать меня поэтом».

Нельзя не согласиться, что последние строки «Романа в письмах» в таком виде «похожи на мысль», тогда как раньше они ни на что похожи не были...

Но наиболее интересное «открытие» сделано редактором VIII тома в белой рукописи «Капитанской дочки». Все мы знаем, как попадает Гринев в руки Пугачева: получив письмо Марьи Ивановны, он решает ехать в Белогорскую крепость, по пути попадает в плен к бунтовщикам, которые приводят его к Пугачеву. Тот его узнает, вызывает его помочь — и т.д. При этом читателю не совсем понятно, что собственно думал делать Гринев в крепости, один против целого гарнизона, во главе которого стоял его соперник Швабрин. И вот оказывается, что по первоначальному замыслу Пушкина Гринев решил совсем на другое: он добровольно едет к Пугачеву искать у него заступничества против Швабрина. Эта первоначальная редакция так любопытна, что мы позволяем себе привести здесь параллельно важнейшие места обоих текстов, выделяя для ясности отличия двух редакций XI главы курсивом. Выпущенные части обоих текстов обозначаем многоточиями в скобках. Отличия начинаются с последнего абзаца X главы.

Первоначальная редакция:

Я потупил голову, отчаяние мною овладело. Вдруг *странная мысль* мелькнула в голове моей: в чем она состояла, читатель увидит из следующей главы, как говорят старинные романисты.

Окончательный текст:

Я потупил голову, отчаяние мною овладело. Вдруг *мысль* мелькнула в голове моей: в чем она состояла, читатель увидит из следующей главы, как говорят старинные романисты.

Я оставил генерала и поспешил на свою квартиру. Савельич встретил меня с обыкновенным своим увещанием. /.../¹⁸

Я прервал его речь вопросом: сколько у меня всего-на-всё денег? «Будет с тебя, — отвечал он с довольным видом. — Мошенники как там ни шарили, а я все-таки успел утаить». И с этим словом он вынул из кармана длинный вязаный кошелек, полный серебра.

— Ну, Савельич, — сказал я ему, — отдай же мне теперь половину; а остальное возьми себе. Я еду из города на несколько дней.

— Куда это? — спросил он с изумлением.

— Куда бы ни было, не твое дело, — отвечал я с нетерпением, — делай что тебе говорят и не умничай.

— Батюшка, Петр Андреич! — сказал добрый дядька дрожащим голосом. — Побойся Бога; как тебе пускаться в дорогу в нынешнее время, когда никуда проезду нет от разбойников! /.../

Но намерение мое было твердо принято. — Поздно рассуждать, — отвечал я старику. — Я должен ехать, я не могу не ехать. Не тужи, Савельич: Бог милостив, авось увидимся! /.../

— Что ты это, сударь? —

Я оставил генерала и поспешил на свою квартиру. Савельич встретил меня с обыкновенным своим увещанием. /.../

Я прервал его речь вопросом: сколько у меня всего-на-всё денег? «Будет с тебя, — отвечал он с довольным видом. — Мошенники как там ни шарили, а я все-таки успел утаить». И с этим словом он вынул из кармана длинный вязаный кошелек, полный серебра.

— Ну, Савельич, — сказал я ему, — отдай же мне теперь половину; а остальное возьми себе. Я еду в Белогорскую крепость.

— Батюшка, Петр Андреич! — сказал добрый дядька дрожащим голосом. — Побойся Бога: как тебе пускаться в дорогу в нынешнее время, когда никуда проезду нет от разбойников! /.../

Но намерение мое было твердо принято. — Поздно рассуждать, — отвечал я старику. — Я должен ехать, я не могу не ехать. Не тужи, Савельич: Бог милостив; авось увидимся! /.../

— Что ты это, сударь? —

¹⁸ Выпущенные части обоих текстов не содержат разночтений.

прервал меня Савельич. — Чтоб я тебя пустил одного! Да этого и во сне не проси. Коли ты уж решился ехать, то я хоть пешком да пойду за тобой, а тебя не покину. /.../

Я знал, что с Савельичем спорить было нечего, и позволил ему приготовляться в дорогу. Через полчаса я сел на своего доброго коня, а Савельич на тощую и хромую клячу /.../ мы выехали из Оренбурга.

Начинало смеркаться. Я *направил путь к Бердской слободе, пристанищу Пугачева*. Прямая дорога занесена была снегом; но по всей степи видны были конские следы, ежедневно обновляемые. Я ехал крупной рысью. Савельич едва мог следовать за мною издали /.../

Вскоре засверкали Бердские огни. Я *поехал прямо на них*. «Куда, куда ты? — кричал Савельич, догоняя меня, — это горят огни у разбойников. Объедем их, пока нас не увидели. Петр Андреич — батюшка Петр Андреич!.. не погуби! Господи владыко... пропадет мое дитя!»

Мы подъехали к оврагам, естественным укреплениям слободы. Савельич от меня не отставал, не прерывая жалобных своих молений. *Вдруг увидел я прямо перед собой передовой караул. Нас окликали, и человек пять мужиков, вооруженных дубинами, окружили нас. Я объявил им, что еду из Оренбурга к их начальнику. Один из*

прервал меня Савельич. — Чтоб я тебя пустил одного! Да этого и во сне не проси. Коли ты уж решился ехать, то я хоть пешком да пойду за тобой, а тебя не покину. /.../

Я знал, что с Савельичем спорить было нечего, и позволил ему приготовляться в дорогу. Через полчаса я сел на своего доброго коня, а Савельич на тощую и хромую клячу /.../ мы выехали из Оренбурга.

Начинало смеркаться. *Путь мой шел мимо Бердской слободы, пристанища Пугачевского*. Прямая дорога занесена была снегом; но по всей степи видны были конские следы, ежедневно обновляемые. Я ехал крупной рысью. Савельич едва мог следовать за мною издали /.../

Вскоре засверкали Бердские огни. Мы подъехали к оврагам, естественным укреплениям слободы. Савельич от меня не отставал, не прерывая жалобных своих молений. Я *надеялся объехать слободу благополучно, как вдруг увидел в сумраке перед собой человек пять мужиков, вооруженных дубинами; это был передовой караул пугачевского пристанища. Нас окликали. Не зная пароля, я хотел молча проехать мимо их; но они меня тотчас окружили, и один из них схватил лошадь мою за узду. Я выхватил саблю и ударил мужика по голове; шапка спасла его, однако он зашатался и выпустил из рук узду. Прочие смутились и отбе-*

них взялся меня проводить, сел верхом на башкирскую лошадь и поехал со мною в слободу. Савельич, онемев от изумления, кое-как поехал вслед за нами.

жали; я воспользовался этой минутою, прищипорил лошадь и поспекал.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня от всякой опасности, как вдруг, оглянувшись, увидел я, что Савельича со мною не было. Бедный старик на своей хромо́й лошади не мог ускакать от разбойников. Что было делать? Подождав еще несколько минут и удостоверясь в том, что он задержан, я повернул лошадь и отправился его выручать.

Подъезжая к оврагу, услышал издали шум и голос моего Савельича. Я поехал скорее и вскоре очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня несколько минут тому назад. Они стащили старика с его клячи и готовились вязать. Прибытие мое их обрадовало. Они с криком бросились на меня и мигом стащили с лошади. Один из них, повидимому, главный, объявил нам, что он сейчас поведет нас к государю. «А наш батюшка, — прибавил он, — волен приказать: сейчас ли вас повесить, али дождаться свету Божия». Я не противился; Савельич последовал моему примеру, и караульные повели нас с торжеством.

Мы перебрались через овраг и въехали в слободу. Во всех избах горели огни. Шум и крики раздавались везде. На улице я встретил множество народу; но

Мы перебрались через овраг и вступили в слободу. Во всех избах горели огни. Шум и крики раздавались везде. На улице я встретил множество народу; но

никто в темноте *меня* не заметил и не узнал во мне оренбургского офицера. *Вожатый привез меня* прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка. «Вот и дворец, — сказал он, слезая с лошади, — сейчас о тебе доложу». Он вошел в избу. *Савельич меня догнал*; я взглянул на него: старик крестился, читая про себя молитву. Я дождался долго; наконец *вожатый* воротился и сказал мне: «Ступай: наш батюшка велел *тебя впустить*».

Я сошел с лошади, отдал ее держать Савельичу, а сам вошел в избу, или во дворец, как называл ее мужик. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою /.../ Пугачев сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке, и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство; и что они приготовились встретить меня с торжеством. Пугачев узнал меня с первого взгляду. Поддельная важность его вдруг исчезла. «А, ваше благородие! — сказал он мне с живостию. — Как поживаешь? Зачем тебя Бог принес?» *Я отвечал, что имею лично до него дело, и что прошу его принять меня наедине.* Пугачев обратился к своим

никто в темноте *нас* не заметил и не узнал во мне оренбургского офицера. *Нас привели прямо* к избе, стоявшей на углу перекрестка. *У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки.* «Вот и дворец, сказал один из мужиков, — сейчас об вас доложим». Он вошел в избу. Я взглянул на Савельича: старик крестился, читая про себя молитву. Я дождался долго; наконец *мужик* воротился и сказал мне: «Ступай: наш батюшка велел *впустить офицера*».

Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою /.../ Пугачев сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке, и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство, и что они приготовились встретить меня с торжеством. Пугачев узнал меня с первого взгляду. Поддельная важность его вдруг исчезла. «А, ваше благородие!

— сказал он мне с живостию. — Как поживаешь? Зачем тебя Бог принес?» *Я отвечал, что ехал по своему делу и что люди его меня остановили.* «А по какому делу?» спросил он меня. *Я не знал, что от-*

товарищам и велел им выдти. Все послушались, кроме двух, которые не тронулись с места. «Говори смело при них, — сказал мне Пугачев, — от них я ничего не таю». /.../ Несмотря на чувства, исключительно меня волновавшие, общество, в котором я так нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображение, и я на минуту позабыл о причине, приведшей меня в пристанище бунтовщиков.

Пугачев мне сам напомнил о том своим вопросом: «От кого и зачем ты ко мне послан?».

— Я приехал сам от себя, — отвечал я, — прибегаю к твоему суду. Жалуюсь на одного из твоих людей, и прошу тебя защитить сироту, которую он обижает».

вечать. Пугачев, полагая, что я не хочу объясняться при свидетелях, обратился к своим товарищам и велел им выдти. Все послушались, кроме двух, которые не тронулись с места. «Говори смело при них, — сказал мне Пугачев, — от них я ничего не таю». /.../

Несмотря на чувства, исключительно меня волновавшие, общество, в котором я так нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображение. Но Пугачев привел меня в себя своим вопросом: «Говори, по какому же делу выехал ты из Оренбурга?»

Странная мысль пришла мне в голову: мне показалось, что провидение, вторично приведшее меня к Пугачеву, подавало мне случай привести в действие мое намерение. Я решился им воспользоваться и, не успев обдумать то, на что решался, отвечал на вопрос Пугачева:

— Я ехал в Белогорскую крепость избавить сироту, которую там обижают.

В своей предварительной публикации «Первоначальной редакции XI главы «Капитанской дочки» («Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 4-5, 1939, стр. 5-13) Б. Томашевский подчеркивал, что стройность и логичность 1-й редакции делают ее по меньшей мере равной окончательной редакции», вызванной, несомненно, желанием Пушкина «смягчить обстоятельства, при которых происходили сношения Гринева с Пугачевым. Пушкину необходимо было привести Гринева к Пугачеву помимо его доброй воли и снять с Гринева обвинение в сознательно изменнических сношениях с врагом-бунтовщиком. Однако, — продолжает Б. Томашевский, — как ни соблазнительно введение этой редакции в дефинитивный текст, от этого осторожнее было бы

отказаться, так как нет окончательной уверенности в том, что последние главы белой редакции не выработывались уже с учетом переработки XI-й главы». Хотя в редакционном комитете и раздавались голоса, высказывавшиеся за включение новонайденной редакции в основной текст, на том основании, что переработка вызвана явно цензурными соображениями, — однако более «осторожное» и благоразумное мнение возобладало, и решено было дать 1-ю редакцию под строкой, по примеру «сомнительно цензурных» вариантов «Евгения Онегина». В названной публикации Томашевский отмечает также «странность» того обстоятельства, что «ни один из редакторов не коснулся рукописи в данном месте», и, в частности, упрекает П. О. Морозова, приведшего лишь совершенно незначительные варианты XI главы (вроде «остальное» вместо «остальные», «генералы» вместо «енералы», и т.п.) и тем введшего в заблуждение П. А. Ефремова, который решил, что рукопись отличается лишь совершенно второстепенными разночтениями. Но те же упреки можно переадресовать и текстологам советской эпохи, неоднократно обращавшимся к той же рукописи, и даже самому Б. В. Томашевскому...

«Другие редакции и варианты» VIII тома превысили объем основного текста и вместе с примечаниями и указателями составили огромный полутом в 620 стр. Варианты эти, во многом чрезвычайно примечательные, так же как и варианты стихотворных произведений, еще ждут исследователей и истолкователей. Вряд ли только они скоро появятся в Советском Союзе — из-за отмеченного выше отношения к академическому изданию... Укажем, кстати, что отдельные варианты прозы даются в VIII томе, как и в следующих томах (IX и XII), по несколько отличной от стиховых вариантов системе, предложенной тем же С. М. Бонди. Сделано это было, в целях наибольшей наглядности и «читабельности» вариантов, следующим образом: сначала приводится то место основного текста, к которому относится вариант; это место отделяется от самого варианта вертикальной чертой. Выглядит это так (указывается страница и строка):

Стр. 415

7-8 Она целует меня / Белая женщина целует меня

Стр. 416

20 Отец конечно меня любил /а. Отец меня любил б. Отец меня любил, сколько мог он любить кого-нибудь.

Нельзя не отметить, что система эта довольно громоздкая и значительно увеличила объем раздела вариантов. Кроме того, в томе оказалось множество вариантов типа: «Марья Ивановна / Мария Ивановна» или «в крепости / в Белогорской крепости», повторяющихся из страницы в страницу. Их, конечно, можно было бы значительно сократить, сгруппировав в одном месте и лишь указав, на каких страницах и в каких строках они встречаются. Впрочем, это конечно мелочь.

ПУШКИН. Том девятый. (Полутом) 1. ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА. Издательство Академии Наук СССР. 1938. Редактор девятого тома В. Л. Комарович. 488 стр. Тираж 27.000 (Фактический тираж 10.000 экз.) — То же. (Полутом) 2. 1940. Стр. 491-949. Тираж 27.000.

«Историю Пугачевского бунта»¹⁹ Пушкин издал, в 1834 г., в двух томах: первый содержал текст «Истории» и примечания, во втором были напечатаны Пушкиным документальные приложения — манифесты и указы, относящиеся к пугачевскому бунту, рапорты и переписка графа Румянцева, А. И. Бибикова, гр. П. Панина и др. и, наконец, «Сказания современников».²⁰ Но Пушкин опубликовал лишь часть собранных им обширных рукописных материалов, — значительная доля их оставалась неизданной свыше ста лет и увидела свет лишь в IX томе академического издания. Здесь эти материалы заняли большую часть 2-го полутома — 300 стр. убористого шрифта. По содержанию они весьма разнообразны, и надо отдать справедливость покойному редактору IX тома — он расположил их очень удачно, частью в последовательности, приданной им самим Пушкиным, частью в подразделении на «жанры», вообще присущие такого рода источникам. Это, во 1-х, устные рассказы и предания, записанные Пушкиным со слов старожилов во время его поездки по

¹⁹ В рукописи, представленной Пушкиным имп. Николаю I, его труд был озаглавлен «История Пугачева»; так же был он назван в заметке о предстоящем выходе «Истории» в «Библиотеке для чтения» (1834, т. 2), но Николай I, в указе о выдаче Пушкину денег на печатание, собственноручно переименовал заглавие на «Историю Пугачевского бунта», ибо «преступник, как Пугачев, не имеет истории».

²⁰ Кстати сказать, 2-й том труда Пушкина до сих пор лишь два раза воспроизводился в советских изданиях его сочинений — в 6-томном юбилейном издании «Академии» под ред. М. А. Цявловского (и Ю. Г. Оксмана, имя которого исчезло из издания) и в большом академическом издании. В прочих «полных собраниях сочинений» перепечатывался лишь 1-й том (текст с примечаниями). В «однотомниках» давался только текст без примечаний.

местам, бывшим свидетелями Пугачевского восстания (записи эти были в значительной части опубликованы до академического издания, но в связи с последним, во «Временнике Пушкинской комиссии»); во 2-х, дневники и записки современников — «Журнал действий команды в Яицком ретраншементе» И. Симонова, «Журнал осады г. Уфы» С. С. Мясоедова, журнал Оренбургского коменданта И. А. Рейнсдорпа, и пр.; в 3-х, помесячные выписки из архивных дел (в том порядке, который им придал Пушкин посредством особых обложек для каждого месяца); в 4-х, архивные документы, не вошедшие в помесячные рубрики Пушкина, и в 5-х, различные конспекты (в том числе конспект «летописи» Рычкова об осаде Оренбурга, полностью напечатанный Пушкиным во II томе «Истории»), выписки и наброски. Значительная часть документов переписана Пушкиным собственноручно; многие скопированы им дословно (например, безграмотные указы Пугачева и послания его сообщников, повидимому чрезвычайно заинтересовавшие Пушкина, но почти не использованные им в тексте «Истории» — вероятно, по цензурным условиям), другие им проконспектированы или пересказаны. В общем, опубликованные в академическом издании материалы свидетельствуют о том, что, как отмечает редактор IX тома, «осведомленность Пушкина в первоисточниках была несравненно глубже, чем до сих пор принято было думать».²¹

«Другие редакции и варианты» IX тома занимают около 90 стр. и впервые дают все разночтения дошедших до нас рукописей — в отличие от первого академического издания, ограничившегося перепечаткой издания 1834 г. Весьма интересны «Замечания о бунте», «которые не могли войти в «Историю Пугачева», но которые могут быть любопытны» (слова Пушкина в письме к А. Х. Бенкендорфу): замечания эти, давно известные в печати, впервые воспроизведены в уточненной редакции со всеми черновыми текстами.

ПУШКИН. Том десятый. ИСТОРИЯ ПЕТРА. ЗАПИСКИ МОРО ДЕ БРАЗЕ. ЗАМЕТКИ О КАМЧАТКЕ. Издательство Академии Наук СССР, 1938. Редакторы десятого тома: П. С. Попов, А. И. Заозерский, Б. И. Коплан. Общий редактор тома

²¹ Отсылаем читателя к диссертации Г. П. Блока «Пушкин в работе над историческими источниками» (Изд. Акад. Наук СССР, М.-Л. 1949), посвященной анализу источников «Истории Пугачева». Книга Блока, между прочим, названа «самым характерным примером псевдонаучного крохоборчества» в статье неких С. Василенка и И. Серегина «Против крохоборчества и лжеакадемизма» («Лит. газета», 1949, № 95 от 26 ноября).

М. А. Цявловский. Контрольный рецензент В. В. Виноградов. 569 стр. Тираж 27.000 (фактический тираж 5.000 экз.; в 1950 г. был выпущен дополнительный тираж — 3.000 экз.).

X том академического издания содержит, пожалуй, наибольшее количество впервые публикуемых автографов Пушкина — все сохранившиеся рукописи его подготовительных работ по истории Петра Великого. История их постепенного появления в печати весьма замечательна. По смерти Пушкина были сделаны попытки опубликовать его работы по истории Петра, но по требованию цензуры в них пришлось произвести столь многочисленные изъятия и переделки, что издатели отказались от печатания. После этого рукописи исчезли из поля зрения исследователей и долгое время считались утраченными. Лишь часть заметок Пушкина по истории Петра была по копиям, изготовленным для неосуществленного издания, напечатана П. В. Анненковым и позднейшими редакторами, причем, по иронии судьбы, одними из первых были опубликованы именно те места, которые в свое время были признаны цензурой недопустимыми, так как с них была снята в цезурном ведомстве копия, попавшая затем в руки исследователей. — Только в начале 1917 г., при переезде потомков Пушкина в подмосковную усадьбу и разборе бумаг, обнаружилось, что клетка с канарейками была устлана исписанными рукой А. С. Пушкина листами! Произошел переполох — и в кладовой был открыт источник таких, уже не раз использованных на разные хозяйственные надобности и частично объединенных мышами бумаг... Г. А. Пушкин (внук поэта) установил, что они представляют собой считавшиеся безвозвратно исчезнувшими записи Пушкина по истории Петра (в ящике оказались и другие бумаги Пушкина и письма к нему, главным образом по управлению имениями в селе Михайловском и Болдине, опубликованные в I томе «Летописей Гос. Литературного Музея» в 1936 г.). Г. А. Пушкин передал бумаги деда для издания в издательство бр. Салаевых, а к редактированию был привлечен П. Е. Щеголев. Но вскоре издательство Салаевых, вместе с остальными частными издательствами, было «национализировано», т.е. закрыто. Бумаги Пушкина остались в руках Щеголева, который так и не собрался их издать — и ни в одном из советских изданий сочинений Пушкина его работа по истории Петра полностью напечатана не была: перепечатывались лишь, из издания в издание, с некоторыми дополнениями ранее известные отрывки. От П. Е. Щеголева записи Пушкина поступили в Пушкинский Дом, и

лишь в 1934 г. П. С. Попов опубликовал часть новонайденных материалов в «Литературном Наследстве» (т. 16-18, стр. 496-511), полностью же они были напечатаны им в X томе академического издания.

Заметки Пушкина по истории Петра дошли до нас далеко не в полном составе: можно предполагать, что общее число тетрадей с этими заметками было не менее тридцати одной, в Пушкинский же Дом поступило от Шеголева 22 тетради. Грустнее всего то, что, судя по обстоятельствам «находки» бумаг, значительная часть их была вероятно уничтожена лишь в самое последнее время, т.е. около 1917 г., когда ящик с бумагами, восемьдесят лет пролежавший, всеми забытый, в кладовой, был кем-то раскрыт и «использован»... — Таким образом, около трети заметок Пушкина по истории Петра не сохранилось в виде автографов. Но, по счастью, многие из утраченных (несомненно, безвозвратно) тетрадей были ранее опубликованы по копиям. В итоге, лишь некоторые годы царствования Петра Великого совершенно отсутствуют в заметках Пушкина, напечатанных в X томе: таковы 1719, 1720 и 1721 годы; записи за несколько других лет (например, за 1703 и 1709) утрачены лишь частично.

В X томе «Истории Петра (подготовительные тексты)», как озаглавлены они редактором, заняли около 300 стр., из них, по приблизительному подсчету, свыше четырех пятых публикуются впервые. — Правда, работа Пушкина носит характер первого приступа к занятиям и представляет собой, в общем, лишь конспект «Деяний Петра Великого, мудрого преобразователя России» И. И. Голикова. Но под пером Пушкина «голиковская проза» часто преображается до неузнаваемости. По всему тексту разбросаны оценочные суждения Пушкина, его критические замечания, его меткие формулировки. И если «всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства», то сотни страниц «нового» пушкинского текста заслуживают пристального внимания читателя и исследователя. Подробную характеристику их читатель найдет в цитированной выше работе П. С. Попова. Необходимо отметить, что в последнее время в советском пушкиноведении наблюдается тенденция преувеличивать литературную и историческую ценность черновой и предварительной работы Пушкина по истории Петра. Представителем такой «апологетической» точки зрения является И. Л. Фейнберг (см. его статью «Незавершенная книга Пушкина [История Петра]» в «Новом Мире», 1949, кн. 6, стр. 183-211).

ПУШКИН. Том одиннадцатый. КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА 1819-1834. Издательство Академии Наук СССР. 1949. Редакторы одиннадцатого тома: В. В. Гиппиус, Б. М. Эйхенбаум, Б. В. Томашевский, С. М. Бонди, Н. В. Измайлов, В. В. Виноградов, Б. С. Мейлах, Б. И. Коплан, А. И. Заозерский. Общая редакция тома В. В. Гиппиус Б. В. Томашевский и Б. М. Эйхенбаум. Контрольный рецензент В. В. Виноградов. 588 стр. Тираж 7.000.

ПУШКИН. Том двенадцатый. КРИТИКА. АВТОБИОГРАФИЯ. Издательство академии Наук СССР. 1949. Редакторы двенадцатого тома: В. В. Гиппиус, Б. М. Эйхенбаум, Т. Г. Цявловская-Зенгер, Н. Г. Богословский, С. М. Бонди, Г. А. Бялый, Н. В. Измайлов, В. Л. Комарович. Общая редакция тома: В. В. Гиппиус, Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум. Контрольный рецензент В. В. Виноградов. 576 стр. Тираж 7.000.

В предисловии редакции к XI тому читаем: «Все печатаемые тексты были подготовлены к печати под общей редакцией В. В. Гиппиуса и Б. М. Эйхенбаума еще в 1941 г., но события военного времени остановили печатанье этого тома. Смерть В. В. Гиппиуса застала его в момент, когда был отпечатан основной текст и частично отдел других редакций и вариантов. После войны редакцией было поручено Б. В. Томашевскому привести в порядок сохранившиеся материалы и довести том до конца». Сообщение о том, что основной текст, а тем более другие редакции были хотя бы «частично» отпечатаны, не соответствует истине: основной текст был лишь *сверстан*, а «другие редакции» оставались в гранках, весьма далеких от окончательной готовности. С другой стороны, ни в XI, ни в XII томе ни слова не сказано об исчезновении из первоначального XII тома огромного большинства текстов (всевозможных выписок и записей «рукою Пушкина»). Из этого погибшего до рождения тома в издание вошли лишь автобиографические записи Пушкина.

Кроме последних, не дающих ничего нового по сравнению с последними предшественниками академического издания, если не считать тщательной ревизии текста, — в XI и XII тт. сосредоточены все «нехудожественные» прозаические писания Пушкина, за исключением исторических работ, вошедших в предыдущие тома. Название «Критика и публицистика» (выбранное, вероятно, из-за его лаконичности) плохо покрывает содержание XI и XII тт., ибо в них вошел ряд мелких исторических заметок, не

нашедших себе места в X томе, и собранные Пушкиным исторические анекдоты, и другие заметки, с трудом подходящие под рубрику «критики и публицистики». Впрочем, это является недостатком лишь с точки зрения архитектоники издания и особого значения не имеет.

Вошедшая в XI и XII тт. проза Пушкина считается наиболее трудной для текстолога частью наследия поэта по причине ее чрезвычайной дробности и неясности взаимоотношений между отдельными текстами: каждый редактор критико-публицистических (будем тоже называть их так для краткости) «опусов» Пушкина по-своему группировал их, то соединяя, то разделяя различные отрывки. В отношении распределения материала рассматриваемые тома издания, не являясь последним словом (несомненно, в будущем возможны и необходимы коррективы), представляют собой большой шаг вперед, ибо основаны на сплошном и тщательном изучении рукописей. Мы ограничимся указанием лишь на одно чрезвычайно интересное открытие покойного редактора тома В. В. Гиппиуса, которое удалось сделать этому новому для пушкиноведения исследователю. Изучая пушкинские рукописи, В. Гиппиус пришел к выводу, что ряд заметок, печатавшихся, под различными редакторскими заглавиями, в виде отдельных, ничем не связанных между собою произведений, на самом деле являются частями одной большой статьи, не только задуманной, но и в значительной степени осуществленной Пушкиным. «Ключ к этому пушкинскому замыслу находится в одной фразе, — говорит В. Гиппиус,²² — ... Дав общую характеристику критики своего времени и объяснив, почему он «опровержением критик» не занимался, Пушкин заключал: «Ныне, в несносные часы карантинного заключения, не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать опровержение на критики, которые мог только припомнить, и собственные замечания на собственные же сочинения». Листы, на которых статья эта была Пушкиным написана (закончена она не была), «были, при описи пушкинских бумаг, совершенно произвольно вложены один в другой и перенумерованы жандармами, а затем в этой произвольной последовательности сшиты. Этим и объясняется тот факт, что самое наличие в пушкинском наследии большой критикополемической статьи так долго не было уста-

²² См. Вас. Гиппиус «О текстах критической прозы Пушкина (отчет о работе над XI томом). (Из материалов редакции академического издания Пушкина)» — «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 4-5, 1939, стр. 557-668. В этой статье текстолог найдет чрезвычайно интересные подробности.

новлено». В. Гиппиусу удалось восстановить «первоначальный порядок листов, каким он был во время пушкинской работы», а также логический ход мысли поэта, — и благодаря этому читатель получил в академическом издании совершенно для него новую обширную (около 30 стр.) статью Пушкина, которой редактор дал взятое из пушкинского же текста заглавие «Опровержение на критики». Заслуживает быть отмеченным следующее: в альманахе М. Максимовича «Денница» на 1831 год было напечатано возражение критикам «Полтавы» с таким примечанием издателя: «Рукопись, из которой взят сей отрывок, содержит весьма любопытные замечания и объяснения Пушкина о поэмах его и некоторых критиках. Из оной видно, что поэт не опровергал критик потому только, что не хотел». Из этого примечания явствует, что Максимович знал о существовании реконструированной В. В. Гиппиусом статьи и читал ее в рукописи. Она восстановлена и стала доступна читателю спустя более ста лет после ее написания. . . .

Обзор наш далеко превысил намеченный объем, поэтому мы не имеем возможности останавливаться на других особенностях рассматриваемых томов, в частности, на многих интересных «других редакциях», занимающих в XI томе около 250 страниц (при 270 стр. основного текста). Ограничимся одним примером. В первой черновой редакции незаконченной статьи «О ничтожестве литературы русской» встречается следующий абзац, исключенный Пушкиным из подготавливаемого к печати текста:

Петр не успел довершить начатое им. Он умер в полную пору мужества, во всей силе своей творческой деятельности, еще только в полножны вложил победительный свой меч. Он умер, но движение, приданное мощною его рукою, долго продолжалось в огромных составах государства. Даже меры *революционные* [подчеркнуто Пушкиным], предпринятые им по необходимости, в минуту преобразования, и которые не успел он отменить, надолго еще возымели силу закона.

Из набросанного далее и совершенно неоформленного контекста видно, что под революционными мерами Пушкин подразумевал в первую очередь указ о получении дворянства путем выслуги, а не высочайшего пожалования или наследования. . . .

Любопытно, что «политические соображения» сказались на текстологической обработке томов: статья, печатаемая в советских изданиях под редакторским заглавием «Путешествие из Москвы в Петербург» (знаменитая статья о «Путешествии из

Петербурга в Москву» Радищева, известная в дореволюционное время по данным ей П. В. Анненковым заглавием «Мысли на дороге»), напечатана в основном тексте в двух редакциях — белой и черновой, на том основании, что Пушкин значительно смягчил первую, надеясь напечатать ее в «Современнике».

Нельзя не отметить также, что на XI и XII тт. отразилась ненормальная спешка, несомненно сопутствовавшая выпуску их к юбилейной дате: примечания весьма кратки и недостаточны даже для скромных рамок «текстологических справок» принятых в издании; так, например, читатель нигде не найдет указаний на новую компоновку статей «Опровержение на критики» и «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (к последней Пушкин перешел, оставив первую) и не сможет разобраться в их составе. Отсутствует также алфавитный указатель произведений, являющийся при большом количестве мелких произведений необходимостью. Следовало бы также приложить указатель заглавий, под которыми статьи печатались в прежних критических изданиях, без чего весьма трудно разыскать в XI и XII тт. ряд статей и заметок, известных читателю по этим изданиям под другими заглавиями и в другой компоновке.

ПУШКИН. Том тринадцатый. ПЕРЕПИСКА 1815-1827. Издательство Академии Наук СССР. 1937. Редактор тринадцатого тома Д. Д. Благой. Контрольный рецензент М. А. Цявловский. 651 стр. Тираж 35.000 (Соредакторы XIII тома — Л. Б. Модзалевский и Д. П. Якубович — названы в предисловии).

ПУШКИН. Том четырнадцатый. ПЕРЕПИСКА 1828-1831. Изд. Акад. Наук СССР. 1941. Редакторы четырнадцатого тома: Л. Л. Домгер, Н. В. Измайлов, Л. Б. Модзалевский, Д. П. Якубович. Общий редактор тома Н. В. Измайлов. Контрольный рецензент Д. Д. Благой. 547 стр. Тираж 27.000.

ПУШКИН. Том пятнадцатый. ПЕРЕПИСКА 1832-1834. Изд. Акад. Наук СССР. 1948. Редакторы пятнадцатого тома: Д. Д. Благой, Н. В. Измайлов. (Соредакторы тома — Л. Л. Домгер и Л. Б. Модзалевский — названы в предисловии). Контрольный рецензент М. А. Цявловский. 391 стр. Тираж 10.000

ПУШКИН. Том шестнадцатый. ПЕРЕПИСКА 1835-1837. Изд. Акад. Наук СССР. 1949. Редакторы шестнадцатого тома: Л. Л. Домгер, Н. В. Измайлов, Л. Б. Модзалевский. Об-

щий редактор тома Д. Д. Благой. Контрольный рецензент М. А. Цявловский. 503 стр. Тираж 8.000.

На томах переписки можно долго не останавливаться. Ограничимся несколькими статистическими данными, наглядно показывающими постепенный рост числа известных читателю собранных сочинений Пушкина писем поэта.

В первое собрание писем Пушкина, напечатанных П. А. Ефремовым (по ранее опубликованным текстам) в его издании 1882 г., вошло	375 писем
В его же издание 1887 г. вошло	492 письма
В издание А. С. Суворина под ред. П. Ефремова и в издание «Просвещения» под ред. П. О. Морозова (1903-6 гг.) вошло	617 писем
В издание под ред. В. И. Саитова (акад.) 1910-12 гг. вошло	713 писем
В издание под ред. С. А. Венгерова (Брокгауз-Ефрона) 1915 г. вошло	733 письма
В новое академическое издание вошло около	820 писем

Конечно, статистика эта, показывающая увеличение числа ставших известными после 1917 года писем Пушкина примерно на 90 номеров, весьма условна: с одной стороны, многие вновь найденные письма представляют собой записочки в несколько слов, с другой — ряд писем, печатавшихся раньше в эпистолярных томах, вошли в академическом издании в другие тома (например, письма в редакцию, а также письма по поводу «Бориса Годунова», являющиеся по существу набросками полемических статей и напечатанные поэтому в соответствующих томах издания, — и др.). Подчеркнем, что находки писем продолжаются; так, в XVI томе напечатаны пять писем, ставших известными, можно сказать, в последнюю минуту перед печатанием тома (см. стр. 429-432). Увы, как ни велико, относительно, количество найденных до сих пор писем Пушкина, еще большее число их погибло безвозвратно: по предположению Б. Л. Модзалевского (см. «Пушкин. Письма», т. I, стр. XXXVI), до нас дошло немногим более трети всех написанных им писем...

Что касается переписки Пушкина, то четыре тома академического издания являются лишь вторым за все 116 лет, протекших со дня смерти поэта, собранием как его писем, так и писем его корреспондентов, и если в издание В. И. Саитова вошло 1174 пись-

ма, то новое академическое издание включает в себе 1410 №№ (с «деловыми бумагами»).

К сожалению, по известным читателю и от воли редакторов отнюдь не зависящим причинам, новое издание переписки Пушкина, так же как и ее первое издание, лишено комментария, особенно необходимого читателю эпистолярных материалов: текстологические справки и указатели имен лишь в весьма малой степени восполняют этот пробел.

Впрочем, отсутствие комментария является огромным недостатком всего академического издания . . .

*
* *
*

Нижепубликуемые справки, составленные А. Ивановым-Натовым, были любезно предоставлены редакции Записок в дополнение к работе Л. Л. Домгерра.

1. Л. Л. Домгерр заканчивает свою работу о юбилейном издании Полного собрания сочинений Пушкина на считавшемся тогда последнем 16-м томе, изданном в 1949 году. Однако этот том не является заключительным, так как в 1959 году, через десять лет после публикации 16-го тома, вышел в свет дополнительный справочный 17-й том. В него вошли материалы, которые Н. В. Измайлов перечисляет в своей статье «Текстология» (*Пушкин. Итоги и проблемы изучения* [М.-Л.: Наука, 1966], стр. 584):

В справочный том, помимо дополнений, вызванных появлением новых материалов (например, автографов стихотворений «К морю», «Мирская власть», «В голубом небесном поле», полного текста поэмы «Вадим», автографа «Пир во время чумы» и пр.), вошли исправления вкравшихся в основные тома ошибок, редакторских и технических недосмотров и пр.; таковы, например: досаднейший пропуск значительной части вариантов перебеленной («болдинской белой») рукописи «Медного всадника» в V томе, происшедшей, вероятно, по техническим причинам; пропуск двух черновых строф *Евгения Онегина*, сохранившихся лишь в виде факсимиле; пропуск наброска «Женись, — На ком? — На Вере Чацкой . . .», являющегося, как определила Т. Г. Цявловская, установившая правильное расположение его рифмовки, наброском строфы к *Евгению Онегину*; пропуск общего эпиграфа к «Пиковой даме»; дважды повторенное ошибочное чтение «Любезный друг мой», вместо «Любез-

ный внук мой» в черновике предисловия к *Капитанской дочке*; пропуск записки к П. А. Осиповой и некоторые другие.

2. Не всем известно участие Анны Ахматовой в академическом издании Пушкина. В интервью 1936 г., опубликованном в *Литературном Ленинграде*, (29 сентября 1936 г.) и перепечатанном С. Дедюлиным в *Вопросах литературы*, 1978, № 7, сс. 313-314, Ахматова сообщила:

Сейчас я работаю над комментарием для третьего тома академического издания Пушкина (к «Сказке о золотом петушке»). Эта работа поглощает все мое время и отодвигает осуществление других замыслов. [...] Кроме того, для первого тома академического издания Пушкина я перевела на русский язык все французские стихи Пушкина. [...] По окончании работы над комментарием к академическому изданию Пушкина я предполагаю продлить свои исследования над источниками пушкинского творчества. Тем много, и какую я выберу — трудно сказать.

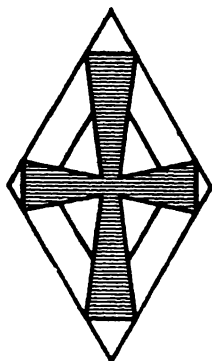
3. Комментарии Анны Ахматовой, как и других авторов, работавших над академическим изданием Пушкина, были отклонены по решению высших инстанций. Например, для VII тома были написаны — но не напечатаны в изд. 1937-1949 гг. — монографические комментарии выдающихся пушкинистов, таких как: М. П. Алексеев, С. М. Бонди, Г. О. Винокур, А. Л. Слонимский, Б. В. Томашевский и др. (Эти комментарии вошли лишь в предварительное издание VII тома, выпущенное в 1935 г. См. об этом в указанной выше статье Н. В. Измайлова «Текстология», стр. 580 и 589).

4. Следует упомянуть, что на основе большого академического издания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина, было выпущено в последующие годы четыре издания «облегченного» десятитомного Полного собрания сочинений Пушкина. В десятитомнике сокращено количество вариантов и приводятся лишь те, которые представляют собой самостоятельную художественную ценность. Первое издание десятитомника было приурочено к 150-летию со дня рождения поэта в 1949 г.; второе издание было выпущено в течение двух лет, с 1956 по 1958 г., а третье вышло в 1962-1965 гг. с предисловием, в котором приводится характеристика большого академического 17-томного издания. В 1970-х годах почти одновременно издавалось два десятитомника сочинений Пушкина: четвертое издание академического Полного собрания сочинений (1977-1979) и десятитомник, выпущенный издательством «Художественная литература» (1974-1978).

ЗАПИСКИ

РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В США

ТОМ XX

VOLUME XX

TRANSACTIONS

OF THE ASSOCIATION OF RUSSIAN-
AMERICAN SCHOLARS IN THE U.S.A.

NEW YORK

1987